УБІЙСТВО РАСПУТИНА

ИЗЪ ДНЕВНИКА
В. М. ПУРИШКЕВИЧА

УБІЙСТВО РАСПУТИНА

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКІЙ и Ко
ПАРИЖЪ

ИЗЪ ДНЕВНИКА

В. М. ПУРИШКЕВИЧА

УБІЙСТВО РАСПУТИНА

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКІЙ и К°
ПАРИЖЪ

РЕПРИНТ
1981

В. С.

Тип. «Франко-Русская Печать», 216, Bd Raspail, Paris.

В. А. МАКЛАКОВУ

Парижъ.

Милостивый Государь
Василій Алексѣевичъ,

Я переиздаю «Дневникъ Пуришкевича», вышедшій въ 1918 г. на югѣ Россіи и посвященный убійству Распутина. Дневникъ участника убійства и къ тому же дневникъ такой характерной фигуры, какою былъ Пуришкевичъ, не можетъ не представлять историческаго интереса тѣмъ болѣе, что онъ касается одной изъ самыхъ роковыхъ фигуръ до-революціоннаго періода Гр. Распутина, имя котораго было въ то время на устахъ всей Россіи. Судя по этому дневнику Вамъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ кому-либо другому извѣстны нѣкоторыя детали этого громкаго дѣла.

Обращаюсь къ Вамъ поэтому съ просьбою: не согласитесь ли Вы *дополнить* эту страничку исторіи данными, о которыхъ по какимъ либо причинамъ не упоминаетъ «Дневникъ Пуришкевича». Или, по крайней мѣрѣ, не согласитесь ли Вы высказать Ваше мнѣніе, въ какой мѣрѣ разсказъ Пуришкевича соотвѣтствуетъ истинѣ.

Позволяю себѣ надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ и тѣмъ дадите будущему читателю «ДНЕВНИКА» и даже исторіи возможность лучше разобраться и правильнѣе оцѣнить событія того времени.

Я. Поволоцкій.

Парижъ 1923

Издательство
Я. Е. Поволоцкій и Ко.
Парижъ.

Милостивый Государь
Яковъ Евгеньевичъ,

Ваше письмо ставитъ различные вопросы, на которые я и могу отвѣтить по разному.

Вы находите, во-первыхъ, желательнымъ, чтобы я *дополнилъ* дневникъ Пуришкевича. Въ этомъ я съ Вами не могу согласиться. По дѣлу я знаю только то, что мнѣ говорили другіе; Распутина никогда не видалъ, а въ день его убійства находился въ Москвѣ. Все, что мнѣ про убійство извѣстно, я знаю только отъ тѣхъ, кто въ немъ принялъ участіе; эти люди живы и могутъ, если захотятъ, разсказать про это сами, какъ Пуришкевичъ. Говорить же *за нихъ*, было бы съ моей стороны некорректно. А что касается «исторіи», то моя совѣсть спокойна; все, что я знаю, я изложилъ въ показаніи слѣдователю, который велъ слѣдствіе объ убійствѣ государя и поставилъ изслѣдованіе такъ широко, что занялся и убійствомъ Распутина. Это мое показаніе можетъ впослѣдствіи пригодиться и для исторіи.

Конечно, этихъ препятствій не существуетъ, чтобы отвѣтить на Вашъ второй вопросъ: *вѣренъ ли* разсказъ Пуришкевича? Но *правильно* отвѣтить на этотъ вопросъ не легко.

О какой вѣрности мы говоримъ? Если мы будемъ искать въ немъ *фактической точности*, столь естественной для дневника, то навѣрное впадемъ въ ошибку. Дневникъ Пуришкевича — вовсе не дневникъ; это только литературная форма, которую онъ избралъ для своихъ воспоминаній. Что это такъ, едва ли стоитъ доказывать; само по себѣ невѣроятно, чтобы въ той суетѣ, въ которой проходило время передъ убійствомъ, Пуришкевичъ могъ найти досугъ, чтобы вести дневникъ, особенно въ такой формѣ, т. е. не въ видѣ простой записи фактовъ, а въ видѣ разсказа съ лирическими отступленіями, въ велерѣчивомъ и декламаторскомъ стилѣ. Самый этотъ стиль доказываетъ, что передъ нами не дневникъ, а «литература». Что это не дневникъ, я убѣждаюсь еще и потому, что нахожу въ немъ такія неточности, которыя естественны и неизбѣжны въ воспоминаніяхъ, но были бы необъяснимы для дневника. Я могъ констатировать ихъ почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ ихъ лично провѣрить, т. е. когда рѣчь шла обо мнѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Подъ 28-мъ ноября Пуришкевичъ разсказываетъ, будто онъ по соглашенію съ Юсуповымъ предложилъ мнѣ принять участіе

въ убійствѣ; какъ я, услыша это предложеніе, «воззрился на него», «долго молчалъ» и потомъ отказался; какъ разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что я сталъ просить его послать мнѣ условную телеграмму въ Москву, съ извѣщеніемъ, что дѣло благополучно окончилось и даже установилъ самый текстъ телеграммы. Послѣ этого, по словамъ Пуришкевича, онъ только вздохнулъ и ему не «оставалось ничего, какъ согласиться на мое предложеніе».

Этотъ разсказъ Пуришкевича есть сумбурное смѣшеніе различныхъ разговоровъ, происходившихъ въ разное время и даже съ разными лицами, о которыхъ Пуришкевичъ могъ слышать только изъ вторыхъ рукъ. Стараясь припомнить то, что происходило, онъ очевидно возстановилъ ихъ въ своей памяти, и придалъ имъ форму *одного* разговора, между мною и имъ. Онъ не замѣтилъ при этомъ, что такая передача не только не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но и является неправдоподобной. Я же отлично помню нашъ первый разговоръ, и потому, на этомъ примѣрѣ, вижу, *какъ* Пуришкевичъ писалъ свои воспоминанія.

Я помню это его первое обращеніе ко мнѣ и даже то удивленіе, которое оно во мнѣ вызвало; оно относилось исключительно къ тому, что *Пуришкевичъ* оказался въ заговорѣ. Про самый заговоръ я уже зналъ отъ *другого* участника, котораго не называю только потому, что принципіально не хочу никого называть. Въ моемъ разговорѣ съ тѣмъ лицомъ я отнесся къ этому заговору не только скептически, но отрицательно; и разговоръ нашъ кончился такъ, что возобновить его было уже трудно. И вотъ 28 ноября (я беру дату Пуришкевича, хотя самъ ея не помню) Пуришкевичъ мнѣ сообщилъ, что онъ тоже въ заговорѣ, что въ немъ участвуютъ исключительно идейные люди; онъ прибавилъ, что знаетъ, какъ отрицательно я отнесся къ первоначальному плану, но что мои возраженія теперь устранены и что лицо, которое раньше со мной говорило, поручило ему, Пуришкевичу, узнать, согласенъ ли я буду возобновить съ нимъ разговоръ. Ни о моемъ *участіи* въ убійствѣ, ни объ отказѣ отъ этого, ни, конечно, о посылкѣ въ Москву телеграммы (разговоръ объ этомъ за три недѣли до убійства!) въ этотъ день не было рѣчи. Пуришкевичъ назвалъ мнѣ имена участниковъ, указалъ *день* убійства и только; онъ не передавалъ даже, *о чемъ* со мной хотятъ говорить; да я и самъ объ этомъ не сталъ бы разговаривать съ Пуришкевичемъ, такъ какъ не считалъ его для этого ни достаточно серьезнымъ, ни особенно достаточно скромнымъ.

Разговоръ о телеграммѣ былъ у меня съ нимъ гораздо позже

при слѣдующихъ условіяхъ; въ день убійства я, дѣйствительно, какъ онъ вспоминаетъ, долженъ былъ быть въ Москвѣ, гдѣ былъ назначенъ мой публичный докладъ въ юридическомъ обществѣ о крестьянскомъ вопросѣ. День былъ выбранъ, повѣстки разосланы, и у меня не было ни малѣйшаго повода этотъ докладъ отмѣнять. Но передъ самымъ убійствомъ, тотъ изъ участниковъ, съ которымъ приходилось мнѣ говорить, сталъ настойчиво просить меня не уѣзжать изъ Петербурга въ день убійства и быть тутъ, на случай, если мой совѣтъ можетъ понадобиться. Оговариваюсь, что вопреки тому, что говоритъ Пуришкевичъ, я никогда не предлагалъ никому изъ участниковъ быть ихъ *защитникомъ на судѣ*; напротивъ, я доказывалъ имъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что процессъ надъ убійцами Распутина въ Россіи невозможенъ, что такой процессъ слишкомъ взволновалъ бы Россію; что, съ другой стороны, невозможна и безнаказанность явныхъ убійцъ; что поэтому ихъ долгъ дѣлать такъ, чтобы они могли быть не обнаружены; что это въ сущности будетъ нетрудно, такъ какъ власти, понимая значеніе этого дѣла, едва ли будутъ стараться убійцъ отыскать; что надо дать только *возможность* себя не найти; что поэтому заговорщики должны отказаться отъ тщеславнаго желанія себя назвать, ни передъ кѣмъ не хвастаться и ни подъ какимъ видомъ не сознаваться. Изъ дневника Пуришкевича видно, впрочемъ что онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ, не прошло и полчаса послѣ убійства, какъ онъ себя назвалъ городовому. Этотъ совѣтъ, не давать противъ себя явныхъ уликъ, былъ причиной, почему мое присутствіе, какъ совѣтчика, могло показаться полезнымъ; соглашаясь съ этимъ, я сдѣлалъ попытку отложить мой докладъ въ Москвѣ; я телеграфировалъ объ этомъ моему пріятелю А. Э. Вормсу, который состоялъ въ то время предсѣдателемъ юридическаго общества. Такъ какъ онъ не зналъ причины моего обращенія, то и отвѣтилъ, что это абсолютно невозможно; я получилъ этотъ отвѣтъ въ самый день моего отъѣзда, т. е. наканунѣ убійства.

Я долженъ былъ сообщить этотъ отвѣтъ тѣмъ, кто этимъ интересовался; но въ этотъ день я не могъ отлучиться изъ Думы; я былъ докладчикомъ комиссіи личнаго состава по вопросу объ исключеніи изъ Думы депутата Лемпицкаго; пренія по одному изъ предшествующихъ докладовъ неожиданно затянулись, и я не могъ уйти, не рискуя пропустить свою очередь. Я не хотѣлъ говорить и по телефону, такъ какъ за разговорами по телефону изъ Думы была установлена полицейская слѣжка. Уже передъ

самымъ вечеромъ въ Думу явился Пуришкевичъ; я просилъ его передать кому слѣдуетъ, что мнѣ не удалось отложить засѣданія и что поэтому я уѣзжаю. На это онъ мнѣ отвѣтилъ неожиданнымъ указаніемъ на признанную участниками политическую нежелательность моего присутствія въ Петербургѣ во время убійства; характерную мотивировку этого мнѣнія я привелъ въ моемъ показаніи слѣдователю, но не привожу его здѣсь. Вотъ тогда-то, прощаясь съ нимъ, я просилъ его, если дѣло кончится благополучно, послать мнѣ въ Москву телеграмму; онъ обѣщалъ, мы установили съ нимъ текстъ и свое обѣщаніе онъ сдержалъ: телеграмму я получилъ.

Вотъ какъ было дѣло, и изложеніе Пуришкевича показываетъ, что воспоминанія его не дневникъ; если бы это былъ дневникъ, то самый разговоръ о телеграммѣ могъ бы быть помѣченъ только подъ 15-мъ декабря, а не подъ 28-мъ ноября. 28-го объ этомъ не было рѣчи; точно также 28 числа онъ не могъ записать моего отказа отъ участія, хотя бы косвеннаго, въ этомъ дѣлѣ; съ Пуришкевичемъ вообще *объ этомъ* я никогда не говорилъ, если не считать моей просьбы передать кому нужно, что я *уѣзжаю*. Но Пуришкевичъ писалъ не дневникъ, а воспоминанія; онъ вспомнилъ мои разговоры съ нимъ, происходившіе въ разное время, вспомнилъ и то, что слышалъ отъ другого о моемъ отношеніи къ дѣлу; изъ всего этого состряпалъ одинъ разговоръ, произвольно пріурочилъ его къ 28 ноября, не замѣчая тѣхъ несообразностей, которыя изъ этого вышли. Думаю даже, что въ моментъ когда онъ это писалъ, онъ не былъ чуждъ желанію изложить дѣло такъ, чтобы мотивировать свой «вздохъ» и свое заключеніе: «типичный кадетъ». Въ моментъ писанія своихъ воспоминаній Пуришкевичъ вновь былъ одержимъ старымъ кадетоѣдствомъ.

Такая же невѣрность и несообразность находится и подъ 24-мъ ноября. Пуришкевичъ разсказываетъ, будто въ этотъ день Юсуповъ показалъ ему и другимъ ціанистый калій въ кристалликахъ и растворѣ, который онъ, якобы получилъ, отъ меня. Это невѣрно: не я далъ Юсупову ціанистый калій, или точнѣе то, что ему выдали за ціанистый калій; если бы онъ былъ подлинный, никакая живучесть Распутина его не спасла бы. Но это утвержденіе и несообразно; какимъ образомъ 28 ноября могли меня впервые приглашать къ участію въ убійствѣ, какъ разсказываетъ Пуришкевичъ, если уже 24 я снабдилъ ихъ ціанистымъ каліемъ? Это опять удѣлъ «воспоминаній», естественной забывчивости и невнимательнаго изложенія.

Если такія мелкія неточности обнаруживаются во всѣхъ тѣхъ очень немногочисленныхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ обо мнѣ, то трудно предположить, чтобы въ остальномъ онъ былъ болѣе точенъ. Искать поэтому въ его дневникѣ документальной истины будетъ ошибочнымъ; но это касается только тѣхъ деталей, которыя могутъ изгладиться изъ памяти; въ главныхъ линіяхъ разсказъ все-таки правиленъ; а объ убійствѣ Распутина писали столько вздора, почерпнутаго изъ простыхъ слуховъ и сплетенъ, что выслушать разсказъ очевидца, хотя бы и съ тѣми ошибками въ деталяхъ, которыя неизбѣжны въ воспоминаніяхъ, и интересно и полезно.

Но въ разсказахъ современниковъ, а тѣмъ болѣе участниковъ, заключается обыкновенно еще та условная правда, которую принято называть «исторической». Эти разсказы цѣнны не только правдой, но и своими заблужденіями; даже сознательная неправда можетъ быть характерна и способствовать пониманію эпохи и ея настроенія. Дневникъ Пуришкевича не можетъ не быть интересенъ и съ этой точки зрѣнія, но только съ одной оговоркой; онъ рельефно и ярко изображаетъ не столько эпоху, сколько его собственную личность. Для сужденія объ эпохѣ и людяхъ, нельзя полагаться на его отзывы и сужденія; многіе изъ нихъ явно вздорны: Пуришкевичъ былъ человѣкъ и страстный и пристрастный; ему не было свойственно чувство ни справедливости, ни терпимости; къ тому же его сужденія, и самыя основныя, часто мѣнялись. Но самъ Пуришкевичъ игралъ въ нашей общественности и политической жизни настолько своеобразную и замѣтную роль, что и его личность заслуживаетъ, если не изученія, то интереса. При этомъ интересна не столько самая личность, сколько *возможность* того оглушительнаго *успѣха*, которымъ онъ пользовался въ Россіи. Трудно отрицать, что въ извѣстное время онъ былъ едва ли не самый популярный человѣкъ; правда, эта популярность была специфическая и не всѣмъ бы понравилась. Но, если Пуришкевича презирали или даже ненавидѣли въ нѣкоторыхъ интеллигентскихъ и передовыхъ кругахъ, то широкая масса, которая не занималась политикой, а только читала газеты, и даже главнымъ образомъ тѣ ходовыя газеты, которыя всячески надъ нимъ издѣвались, относилась къ нему все-таки дружелюбно. Если дать себѣ отчетъ въ томъ, *что* могла знать о Пуришкевичѣ россійская масса, *какимъ* она должна была его себѣ представлять по тѣмъ думскимъ подвигамъ, которыми онъ прославился, по тѣмъ политическимъ идеямъ, за которыя онъ въ Думѣ ратовалъ,

то его успѣхъ въ большой толпѣ является интересной психологической *загадкой*. Но его дневникъ, со всѣми неточностями и декламаціей, даже съ извѣстной долей рисовки, обнажаетъ въ немъ такія свойства, которыхъ вначалѣ не замѣчали. Они могутъ внести и нѣкоторое объясненіе въ тайну его успѣха. А въ настоящее время, когда за короткое время революціи было столько кумировъ, которые такъ же быстро возносились, какъ падали, когда въ самомъ ближайшемъ будущемъ въ Россіи будутъ искать новыхъ вождей, вопросъ объ этой тайнѣ не лишенъ интереса.

Я едва ли ошибаюсь, что отношеніе общественнаго мнѣнія къ Пуришкевичу было неодинаково въ теченіе тѣхъ 10 лѣтъ, что онъ занималъ общественное вниманіе. Пуришкевичъ до войны и Пуришкевичъ во время войны — два различныхъ человѣка. До войны это величина отрицательная. Одни считали его невмѣняемымъ, а другіе сознательнымъ скандалистомъ; но едва ли кто видѣлъ въ немъ серьезнаго и искренняго дѣятеля; самые думскіе скандалы, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ себѣ профессію, можно было объяснять только либо маккіавеллистическимъ желаніемъ дискредитировать самую Думу, либо простой болѣзненной неуравновѣшенностью, связанной съ тщеславнымъ желаньемъ заставить о себѣ говорить. Если бы Пуришкевичъ умеръ до войны, то о немъ, вѣроятно, сохранилась бы только *подобная* память; тогда самая его широкая популярность осталась бы простой иллюстраціей къ [нашей] политической некультурности, къ инстинктивной склонности нашего народа къ анархіи и безчинству. Но война заставила перемѣнить мнѣніе о Пуришкевичѣ. Она открыла въ немъ черты, которыхъ до тѣхъ поръ въ немъ не подозрѣвали. Она обнаружила въ немъ, во-первыхъ, страсть, которая оказалась не только сильнѣе всѣхъ остальныхъ, но, можетъ быть, и ихъ объясняла: патріотизмъ. Въ жертву ей Пуришкевичъ принесъ все чѣмъ располагалъ — свои политическія симпатіи, личныя предубѣжденія и даже собственную славу. Съ момента войны онъ преобразился. Онъ понялъ, что все, чѣмъ онъ до тѣхъ поръ привлекалъ общественное вниманіе и возбуждалъ къ себѣ интересъ, т. е. его крикливая партійная дѣятельность, вредна для Россіи; понявъ это, онъ сразу ее прекратилъ. Какъ онъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ войны, онъ былъ политическимъ трупомъ. Это правда; раньше вся его политическая жизнь заключалась въ служеніи партійной усобицѣ; когда онъ отъ этого отказался, прекратилась вся его жизнь. Пуришкевичъ всѣмъ своимъ существомъ усвоилъ необ-

ходимость прекращенія внутреннихъ распрей; къ этому всѣ призывали, только требуя этого отъ *другихъ*, не отъ *себя*; но Пуришкевичъ предъявилъ это требованіе прежде всего къ себѣ самому и его честно выполнилъ. Патріотизмъ Пуришкевича оказался для него кромѣ того дѣйственнымъ стимуломъ. Человѣкъ, который до войны ничего не создавалъ, а только разрушалъ, критиковалъ и осмѣивалъ — вдругъ оказался организаторомъ. По его инициативѣ создалась цѣлая сѣть подсобныхъ для арміи учрежденій, питательныхъ пунктовъ, санитарныхъ поѣздовъ и т. п. Пользуясь своими старыми связями, своей личной извѣстностью, онъ доставалъ деньги тамъ, гдѣ для другого это могло бы быть недоступно; находилъ себѣ и сотрудниковъ, которые бы не стали работать съ другими; словомъ онъ сумѣлъ использовать на общее дѣло весь тотъ капиталъ, который пріобрѣлъ *другими* путями; эта работа поглощала все его вниманіе и интересы, учила его пріемамъ общественной дѣятельности. Но убійство Распутина открыло въ немъ и другую черту, которой въ немъ также не знали. Можно какъ угодно относиться къ этому убійству съ политической и моральной стороны. Можно считать, что оно принесло одинъ вредъ; можно возмущаться и фактомъ и формой убійства. Но нельзя отрицать одного: участіемъ въ этомъ убійствѣ Пуришкевичъ ничего не пріобрѣталъ для себя; напротивъ, онъ всѣмъ рисковалъ, даже жертвовалъ не для себя, а для родины. Онъ не могъ ожидать, конечно, что это убійство будетъ первымъ шагомъ къ революціи. Для него лично революція, во всякомъ случаѣ, была бы гибелью. Она разнуздывала страсти, которыя его, съ его политическими взглядами, не пощадили бы. Ибо ясно одно: какъ бы ни смотрѣть на Пуришкевича, даже злѣйшіе его враги не предположатъ, чтобы онъ могъ пойти на службу къ большевикамъ, чтобы онъ продалъ себя имъ такъ, какъ продались многіе изъ его прежнихъ единомышленниковъ. Но Пуришкевичъ ничего не выгадалъ бы для себя и въ томъ случаѣ, если бы *добился* цѣли, которую ставилъ: *спасеніе монархіи избавленіемъ ея отъ Распутина*. Если бы этимъ убійствомъ ему удалось предотвратить революцію и укрѣпить режимъ, который шатался, то за такое спасеніе режимъ отомстилъ бы своему избавителю. То личное положеніе, которое сумѣлъ занять Пуришкевичъ, было бы все равно этимъ подорвано; ему бы не *простили* подобной услуги. И потому своимъ участіемъ въ убійствѣ, Пуришкевичъ доказалъ свою искренность, свою способность жертвовать собой, своимъ благополучіемъ и судьбой на пользу Россіи. До войны въ немъ

не замѣчали этого свойства, а между тѣмъ, можетъ быть, именно въ этомъ лежитъ разгадка того особеннаго отношенія, которое среди своихъ политическихъ единомышленниковъ вызывалъ къ себѣ Пуришкевичъ. Народныя массы инстинктивно чуяли, что онъ былъ слѣпленъ изъ другой глины, чѣмъ многіе изъ тѣхъ защитниковъ государя и церкви, которые сейчасъ уже въ Совѣтской Россіи служатъ не народу, а новой власти, реформируютъ церковь или полицейскій аппаратъ коммунистовъ. И дневникъ Пуришкевича съ его лирическими изліяніями, съ брызжущей ненавистью къ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами Россіи, съ легкомысленными и пристрастными сужденіями о лицахъ, съ его политической наивностью, многорѣчивый и безсвязный, какъ его думскія рѣчи, даетъ не только опору для того, чтобы знать *какъ* совершилось убійство, но, кромѣ того, даже и ключъ для пониманія той смуты въ умахъ и совѣсти людей, сбитыхъ съ толку тѣмъ, что происходило въ Россіи, которая объясняетъ это убійство. Его дневникъ — страничка общественной патологіи и съ этой стороны представляетъ историческій интересъ.

Однако, чтобы не впасть въ ошибку перспективы, нужно принять въ разсчетъ и время, когда Пуришкевичъ писалъ свои воспоминанія. Если какъ я предполагаю, онъ писалъ свои воспоминанія *гораздо позже* убійства, то на нихъ не могли не отразиться его *позднѣйшія* настроенія. Объ нихъ я могу только догадываться. Послѣ февральской революціи я мало встрѣчалъ Пуришкевича. Но изъ нашихъ встрѣчъ вынесъ впечатлѣніе, что тогда онъ еще находился въ *томъ же настроеніи*, въ которомъ былъ во время войны. Конечно, съ своей точки зрѣнія, онъ не могъ иначе какъ рѣзко отрицательно относиться къ Временному Правительству, его дѣятельности и составу. Но онъ съ нимъ не боролся, не радовался его неудачамъ, не говорилъ, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Я разъ встрѣтилъ его въ Петербургѣ, когда онъ только что вернулся съ вокзала, гдѣ видѣлъ сцены анархіи, которой были полны желѣзнодорожныя станціи: осаду вагоновъ, бѣгство съ фронта, безчинства солдатъ при новой дисциплинѣ. Онъ не злорадствовалъ, даже не умывалъ своихъ рукъ. «Не время разбирать, кто виноватъ въ томъ, что случилось,» говорилъ онъ; «необходимо, во что бы то ни стало поддерживать Временное Правительство, пока оно не бросаетъ оружія передъ врагомъ». Я уѣхалъ изъ Россіи до большевистскаго переворота и Пуришкевича больше не видѣлъ; слышалъ, что онъ былъ заключенъ въ Петропавловку, и не смотря на свое одіозное имя, и на то, что онъ не

скрывалъ своихъ взглядовъ, пользовался не только уваженіемъ, но даже расположеніемъ красноармейцевъ. Потомъ его судили; на процессѣ онъ не малодушничалъ, не каялся, не льстилъ своимъ судьямъ, какъ многіе другіе; его приговорили къ сравнительно легкому наказанію, а затѣмъ онъ скрылся на Югъ. Но, когда былъ заключенъ Брестъ-Литовскій миръ и онъ увидѣлъ, что несмотря на всѣ усилія и уступки Россія разбита, что революція *пока* привела къ полному краху, онъ озлобился и вернулся къ старымъ позиціямъ; онъ упрекалъ бѣлое движеніе за его половинчатость, за то, что не развертываетъ прежняго знамени, не договариваетъ до конца. Смерть позволила ему не увидать крушенія бѣлыхъ движеній и не поставила передъ нимъ рокового вопроса: *гдѣ же* тотъ путь, которымъ надо идти, когда и *путь бѣлыхъ движеній оказался закрытымъ?* Но въ это время, когда онъ вспоминалъ о прошломъ, онъ судилъ о немъ по своему новому настроенію; въ своемъ дневникѣ онъ, вѣроятно, старался представить себѣ себя самого съ той психологіей, которая довела его до участія въ убійствѣ Распутина; но и на себя самого и на другихъ онъ уже смотрѣлъ сквозь *позднѣйшую* призму.

Вотъ тѣ оговорки, которыя нужно имѣть въ виду, чтобы судить о томъ, что было, по Пуришкевичу.

(*В. Маклаковъ*).

Парижъ 1923.

---

19 ноября 1916 года.

Сегодня я провелъ день глубочайшихъ душевныхъ переживаній.

За много лѣтъ впервые я испыталъ чувство нравственнаго удовлетворенія и сознанія честно и мужественно выполненнаго долга: я говорилъ въ Государственной Думѣ о современномъ состояніи Россіи; я обратился къ правительству съ требованіемъ открыть государю истину на положеніе вещей и безъ ужимокъ лукавыхъ царедворцевъ предупредить монарха о грозящей Россіи опасности со стороны темныхъ силъ, коими кишитъ русскій тылъ, — силъ, готовыхъ использовать и переложить на царя отвѣтственность за малѣйшую ошибку, неудачу и промахъ его правительства въ дѣлахъ внутренняго управленія въ эти безконечно тяжелые годы бранныхъ испытаній, ниспосланныхъ Россіи Всевышнимъ.

А мало ли этихъ ошибокъ, *когда правительство наше все сплошь калейдоскопъ бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лицъ, забывшихъ о родинѣ и помнящихъ только о своихъ интересахъ, живущихъ однимъ лишь сегодняшнимъ днемъ.*

Какъ мнѣ безконечно жаль государя, вѣчно мятущагося въ поискахъ людей, способныхъ занять мѣсто у кормила власти, и ненаходящаго таковыхъ; и какъ жалки мнѣ тѣ, которые, не взвѣшивая своихъ силъ и опыта въ это отвѣтственное время, дерзаютъ соглашаться занимать посты управленія, движимые честолюбіемъ и не проникнутые сознаніемъ отвѣтственности за каждый свой шагъ на занимаемыхъ постахъ.

Въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ войны я былъ полити-

ческимъ мертвецомъ: я молчалъ; и въ дни случайныхъ наѣздовъ въ Петроградъ, посѣщая Государственную Думу, сидѣлъ на засѣданіяхъ ея простымъ зрителемъ, человѣкомъ безъ всякой политической окраски. Я полагалъ, какъ и полагаю сейчасъ, что всѣ домашнія распри должны быть забыты въ минуты войны; что всѣ партійные оттѣнки должны быть затушеваны въ интересахъ того великаго общаго дѣла, котораго требуетъ отъ всѣхъ своихъ гражданъ, по призыву царя, многострадальная Россія; и только сегодня, да, только сегодня, я позволилъ себѣ нарушить мой обѣтъ молчанія и нарушилъ его не для политической борьбы, не для сведенія счетовъ съ партіями другихъ убѣжденій, а только для того, чтобы дать возможность докатиться къ подножію трона тѣмъ думамъ русскихъ народныхъ массъ и той горечи обиды великаго русскаго фронта, которыя накопляются и растутъ съ каждымъ днемъ на всемъ протяженіи Россіи, не видящей исхода изъ положенія, въ которое ее поставили царскіе министры, обратившіеся въ маріонетокъ, нити отъ коихъ прочно забралъ въ руки Григорій Распутинъ и императрица Александра Федоровна, этотъ злой геній Россіи и царя, оставшаяся нѣмкой на русскомъ престолѣ и чуждая странѣ и народу, которые должны были стать для нея предметомъ заботъ, любви и попеченія.

Тяжело записывать эти строки, но дневникъ не терпитъ лжи: живой свидѣтель настроеній русской арміи отъ первыхъ дней великой войны, я, съ чувствомъ глубочайшей горечи наблюдалъ день ото дня упадокъ авторитета и обаянія царскаго имени въ войсковыхъ частяхъ, и увы! не только среди офицерской, но и въ толщѣ солдатской среды и причина тому одна — Григорій Распутинъ.

Его роковое вліяніе на царя черезъ посредство царицы и нежеланіе государя избавить себя и Россію отъ участія этого грязнаго, развратнаго и продажнаго мужика, въ вершеніи государственныхъ дѣлъ, толкающихъ Россію въ пропасть, откуда нѣтъ возврата.

***

Боже мой! Что застилаетъ глаза государя? Что не даетъ ему видѣть творящееся вокругъ?!

Какъ жалки его министры, скрывающіе истину и подъ давленіемъ себялюбивыхъ интересовъ играющіе судьбами династіи! Когда этому конецъ и будетъ ли?

Что заставляетъ молчать русскихъ сановниковъ и лицъ приближенныхъ царю при дворѣ?

Трусость. Да, только одна безпредѣльная трусость и боязнь утратить свое положеніе, и въ жертву этому приносятся интересы Россіи.

Они боятся сказать государю правду.

Яснѣе, чѣмъ когда-либо понялъ я это 3-го ноября, когда, возвращаясь съ поѣздомъ моимъ съ Румынскаго фронта, я былъ приглашенъ государемъ въ Могилевѣ къ обѣду и дѣлалъ докладъ ему о настроеніяхъ нашихъ армій въ раіонѣ Рени, Браилова и Галаца.

Помню какъ сейчасъ передъ обѣдомъ блестящую и шумливую толпу великихъ князей и генераловъ, поджидавшихъ вмѣстѣ со мною выхода государя къ столу и дѣлившихся впечатлѣніями военныхъ событій и событій внутренней жизни Россіи. Одинъ за другимъ они подходили и заговаривали со мною: Вы дѣлаете докладъ царю? Вы будете освѣщать ему положеніе дѣлъ? Скажите ему о Штюрмерѣ. Укажите на пагубную роль Распутина. Обратите его вниманіе на разлагающее вліяніе того и другого на страну. Не жалѣйте красокъ, государь вамъ вѣритъ, и ваши слова могутъ оказать на него соотвѣтствующее впечатлѣніе.

Слушаюсь, Ваше Высочество! Хорошо, генералъ! — отвѣчалъ я то одному, то другому — направо и налѣво, а въ душѣ у меня становилось съ каждымъ мгновеніемъ все тяжелѣе и печальнѣе: какъ, думалъ я, неужели мнѣ, проводящему всю войну на фронтѣ и живущему одними только военными интересами нашихъ армій, приходится сказать государю о томъ, о чемъ ежедневно

вашъ долгъ говорить ему, ибо вы въ курсѣ всего того, что продѣлываетъ Распутинъ и его присные надъ Россіей, прикрываясь именемъ государя и убивая любовь и уваженіе къ нему въ глазахъ народа.

Почему вы молчите? Вы, ежедневно видящіе государя, имѣющіе доступъ къ нему, ему близкіе. Почему толкаете на путь откровеній меня, приглашеннаго царемъ для другихъ цѣлей и столь далекаго сейчасъ отъ событій внутренней жизни Россіи и отъ политики, которую проводятъ въ ней калифы на часъ, ея появляющіеся и лопающіеся, какъ мыльные пузыри, бездарные министры.

Трусы! думалъ я тогда. Трусы! убѣжденно повторяю я и сейчасъ.

Жалкіе себялюбцы, все получившіе отъ царя, а неспособные даже оградить его отъ послѣдствій того пагубнаго тумана, который застлалъ его духовныя очи и лишилъ его возможности, въ чаду придворной лести и правительственной лжи, правильно разбираться въ истинныхъ настроеніяхъ его встревоженнаго народа.

И вотъ я сказалъ, и тогда ему въ ставкѣ и сейчасъ въ Государственной Думѣ, на всю Россію, горькую истину, я какъ вѣрный, неподкупный слуга его, принеся въ жертву интересамъ родины личные мои интересы, освѣтилъ ту правду, которая отъ него скрывалась, но которую видѣла и видитъ вся скорбная Россія.

Да, я выразилъ то несомнѣнно, что чувствуютъ лучшіе русскіе люди, безъ различія партій, направленія и убѣжденій. Я это понялъ, когда сходилъ съ трибуны Государственной Думы послѣ моей двухчасовой рѣчи.

Я это понялъ изъ того потока привѣтствій, рукопожатій и неподдѣльнаго восторга, который сквозилъ на всѣхъ лицахъ, обступившей меня послѣ моей рѣчи толпы, — толпы, состоявшей изъ представителей всѣхъ классовъ общества, ибо Таврическій дворецъ въ день 19-го ноября былъ переполненъ тѣмъ, что называютъ цвѣтомъ націи въ смыслѣ культурности, общественнаго и оффиціальнаго положенія.

Я знаю, что я высказалъ то, что чувствовала Россія, та Россія, что отъ крайняго праваго крыла до представителей лѣвыхъ партій, не лишенныхъ государственнаго смысла, одинаково оцѣниваетъ создавшееся положеніе и одинаково смотритъ на тотъ ужасъ, который представляетъ собою Распутинъ, въ качествѣ негасимой лампады въ царскихъ покояхъ.

Да, все, что находилось сегодня въ Таврическомъ дворцѣ, на скамьяхъ, внизу и на хорахъ, все это были мои единомышленники, и только три-четыре человѣка на всю Государственную Думу съ Марковымъ и Замысловскимъ во главѣ, остались чуждыми тѣмъ чувствамъ, которыми жили мы, взывавшіе къ государю и просившіе у него избавить и себя и Россію отъ той новой казни египетской, какую представляетъ собою Распутинъ.

Но что нужды? Кому больше, чѣмъ самимъ себѣ вредятъ эти патріоты казеннаго образца, готовые встать на запятки ко всякой власти и любовно пестуемые людьми типа Протопопова, Штюрмера, Воейкова и компаніи, знающими имъ цѣну, а вѣрнѣе расцѣнивающими ихъ въ тотъ или другой моментъ жизни государства, сообразно обстановкѣ и обстоятельствамъ.

Когда я выходилъ изъ Таврическаго Дворца, уставшій истомленный и обезсилѣвшій отъ рукопожатій и привѣтствій, меня нагналъ въ Екатерининскомъ залѣ Кауфманъ-Туркестанскій, состоящій главнымъ уполномоченнымъ Краснаго Креста при ставкѣ государя и отъѣзжающій завтра въ ставку, и, обнявши меня, сказалъ, что распорядился доставить себѣ одинъ экземпляръ стенограммы моей рѣчи, каковую повезетъ государю и лично передастъ ему.

Возвратившись домой, узналъ дома отъ жены любопытную подробность.

***

После окончанія моей рѣчи, къ ней, сидѣвшей на хорахъ, подходило много дамъ высшаго петроградскаго круга и аристократіи, просившихъ передать мнѣ сочувствіе по поводу всего

мною сказаннаго, и въ числѣ этихъ дамъ, подошла баронесса Икскюль-фонъ-Гильденбантъ, одна изъ самыхъ ярыхъ поклонницъ Распутина, въ салонѣ коей онъ постоянно бываетъ запросто, какъ свой человѣкъ, и просила жену мою принять и отъ нея по адресу моему горячій привѣтъ и «восхищеніе» всѣмъ мною сказаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить меня въ одинъ изъ ближайшихъ дней не отказать отобѣдать у нея вмѣстѣ съ нѣкоторыми ея друзьями.

Мы долго хохотали надъ этимъ приглашеніемъ, цѣль котораго для меня сразу стала ясной: почтенная баронесса, очевидно, хотѣла свести меня съ Распутинымъ, будучи увѣренной, что и я поддамся его гипнозу и послѣ свиданія съ нимъ окажусь его фанатичнымъ поклонникомъ.

***

20 ноября.

Сегодня весь день я буквально не имѣлъ покоя, сидя дома и работая у своего письменнаго стола: телефонъ мой трещалъ съ утра до вечера, знакомыя и незнакомыя лица выражали сочувствіе всему мною сказанному вчера; и долженъ признаться, что степень этого сочувствія поднялась до такого градуса, что дальнѣйшее пребываніе у себя въ кабинетѣ мнѣ сдѣлалось невыносимымъ; нѣтъ положенія болѣе глупаго по моему, чѣмъ молчаливо выслушивать похвалы себѣ, не смѣя перебить говорящаго и разливающагося соловьемъ въ твою пользу.

Безконечное число лицъ заносило мнѣ сегодня свои визитныя карточки въ знакъ сочувствія.

Среди нихъ была масса отъ членовъ Государственнаго Совѣта и, что мнѣ особенно дорого, отъ старика графа С. Д. Шереметьева, котораго я привыкъ любить и уважать наравнѣ съ покойнымъ близкимъ мнѣ А. А. Нарышкинымъ, ибо оба они рыцари безъ страха и упрека.

Изъ звонившихъ по телефону меня заинтриговалъ одинъ собесѣдникъ, назвавшійся княземъ Юсуповымъ, графомъ Сумароковымъ-Эльстонъ.

После обычныхъ привѣтствій, онъ, не удовлетворившись этимъ; просилъ разрѣшенія побывать у меня въ одинъ изъ ближайшихъ дней, по возможности скорѣе для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ, какъ онъ сказалъ, съ ролью Распутина при дворѣ, о чемъ по телефону говорить «не удобно».

Я просилъ его заѣхать завтра, въ 9 час. утра.

Любопытно узнать, о чемъ онъ хочетъ говорить, и что ему нужно!

***

21 ноября.

Сегодня, ровно въ 9 час. утра, ко мнѣ пріѣхалъ князь Юсуповъ.

Это молодой человѣкъ лѣтъ 30 въ формѣ пажа, выполняющій, очевидно, военный цензъ на званіе офицера.

Мнѣ онъ очень понравился и внѣшностью, въ которой сквозитъ непередаваемое изящество и порода и, главнымъ образомъ, духовной выдержкой. Это, очевидно, человѣкъ большой воли и характера, качества мало присущія русскимъ людямъ, въ особенности аристократической среды.

Онъ просидѣлъ у меня болѣе двухъ часовъ.

«Ваша рѣчь не принесетъ тѣхъ результатовъ, которыхъ вы ожидаете», заявилъ онъ мнѣ сразу. «Государь не любитъ, когда давятъ на его волю, и значеніе Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборотъ, окрѣпнетъ, благодаря его безраздѣльному вліянію на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчасъ государствомъ, ибо государь занятъ въ ставкѣ военными операціями».

«Что же дѣлать?» замѣтилъ я. Онъ загадочно улыбнулся и, пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза не мигающимъ взглядомъ, процѣдилъ сквозь зубы — «устранить Распутина».

Я засмѣялся.

«Хорошо сказать», замѣтилъ я, «а кто возьмется за это, когда въ Россіи нѣтъ рѣшительныхъ людей, а правительство, которое

могло бы это выполнить само и выполнить искусно, держится Распутинымъ и бережетъ его, какъ зеницу ока».

«Да», отвѣтилъ Юсуповъ, «на правительство разсчитывать нельзя, а люди все-таки въ Россіи найдутся».

«Вы думаете»?

«Я въ этомъ увѣренъ! И одинъ изъ нихъ передъ вами».

Я вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ.

«Послушайте, князь, этимъ не шутятъ. Вы мнѣ сказали то, что давнымъ давно сидитъ гвоздемъ въ моей головѣ. Я понимаю не хуже вашего, что одними думскими рѣчами горю не помочь, но утопающій хватается за соломинку, и я за нее схватился. Выходъ, о которомъ вы говорите, не представляется для меня неожиданнымъ, больше того, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при жизни покойнаго В. А. Дедюлина, бывшаго, какъ вы знаете, дворцовымъ комендантомъ, я спеціально ѣздилъ къ нему въ Царское Село, состоя съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, исключительно за тѣмъ, чтобы убѣдить его въ необходимости немедленно ликвидировать Распутина, создавъ для этого подходящую обстановку, ибо уже и тогда мнѣ было ясно, что Распутинъ является роковымъ человѣкомъ для династіи и, естественно, для Россіи.

«И что же?» спросилъ Юсуповъ.

«Какъ видите, ничего: Распутинъ живъ и по сей день. Дедюлинъ, очевидно, не дерзнулъ взяться за это дѣло, ибо ужасъ положенія въ томъ, что масса высшихъ сановниковъ нашихъ типа Саблеровъ, Раевыхъ, Добровольскихъ, Протопоповыхъ, Штюрмеровъ, Воейковыхъ строятъ свою карьеру на Распутиныхъ, и малѣйшая оплошность лица, которое пожелало бы избавить Россію отъ этой язвы, стоила бы головы иниціатору съ одной стороны и съ другой — содѣйствовала бы вящему укрѣпленію значенія при дворѣ этого гада».

***

«Вы правы», замѣтилъ Юсуповъ. «Знаете ли вы, что Распутинъ охраняется сыщиками, поставленными со стороны трехъ учрежденій».

«Что вы!» —

«Да, да. Его охраняютъ шпики отъ министерства императорскаго двора, по желанію императрицы, шпики отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и шпики отъ... отгадайте отъ кого еще?»

«Не сумѣю вамъ сказать!».

— Не удивляйтесь!.. и шпики отъ банковъ.

***

Я усмѣхнулся. Князь, замѣтилъ я, я пересталъ удивляться чему бы то ни было въ Россіи. Я ничего не ищу, ничего не добиваюсь и, если вы согласны принять участіе въ дѣлѣ окончательнаго избавленія Россіи отъ Распутина, то вотъ вамъ моя рука, обсудимте всѣ возможности этой операціи и возьмемся за ея выполненіе, если найдемъ еще нѣсколько подходящихъ лицъ, не привлекая къ дѣлу никого изъ слугъ въ цѣляхъ соблюденія тайны.

«Двоихъ я могу уже вамъ указать», съ живостью замѣтилъ Юсуповъ, пожимая мнѣ руку.

Если вы свободны сегодня, пріѣзжайте ко мнѣ, они у меня будутъ, и вы съ ними познакомитесь. Мы обсудимъ вопросъ, и если четырехъ насъ окажется мало, то подыщемъ еще кого-нибудь изъ нашихъ друзей, а я вамъ сообщу мой планъ, исполнимость коего будетъ находиться въ прямой зависимости отъ степени душевнаго спокойствія Григорія Ефимовича и желанія его посѣтить мой домъ вечеромъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней.

На этомъ мы разстались.

***

22 ноября.

Вчера вечеромъ я былъ у Юсупова. Я пріѣхалъ въ 8 час., когда онъ былъ еще одинъ.

Черезъ полчаса вошелъ молодой офицеръ преображенскаго полка поручикъ С., показавшійся мнѣ человѣкюмъ мало подвижнымъ, но энергичнымъ, а еще черезъ 10 минутъ не вошелъ, а влетѣлъ въ комнату высокій статный красавецъ, въ которомъ я немедленно узналъ великаго князя Дмитрія Павловича.

Мы познакомились другъ съ другомъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, принялись за обсужденіе вопроса о способѣ ликвидаціи Распутина.

«Графини сейчасъ въ Петроградѣ нѣтъ», заявилъ намъ хозяинъ Ф. Ф. Юсуповъ, «она въ Крыму и въ Петроградъ даже не собирается, но при послѣднемъ посѣщеніи моемъ Распутина я заявилъ ему, что графиня на дняхъ возвращается въ Петроградъ, гдѣ будетъ нѣсколько дней, и что, если онъ, Распутинъ, хочетъ, то я могу его съ нею познакомить у себя въ домѣ въ тотъ вечеръ, когда графиня будетъ у моихъ родныхъ.

Распутинъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе и просилъ заблаговременно только предупредить его о днѣ, когда у насъ будетъ графиня, дабы въ свою очередь устроиться такъ, чтобы въ этотъ день «она», т. е. императрица, не позвала бы его въ Царское Село.

***

«Вы видите, господа, добавилъ Юсуповъ, что при этомъ условіи покончить съ Распутинымъ не составитъ труда; вопросъ лишь въ томъ, какимъ способомъ отъ него избавиться, какъ обезопасить себя отъ слѣжки шпиковъ, дабы подозрѣнія, послѣ смерти Распутина, не напали на насъ, и куда дѣвать его трупъ?»

Послѣ продолжительнаго обсужденія поставленныхъ Юсуповымъ вопросовъ, мы пришли къ единогласному заключенію о необ-

ходимости покончить съ Распутинымъ только путемъ отравленія его, ибо мѣстоположеніе дворца Юсуповыхъ на Мойкѣ, какъ разъ противъ полицейскаго участка, расположеннаго по ту сторону рѣки, исключало возможность стрѣльбы изъ револьвера, хотя бы и въ стѣнахъ подвальнаго этажа, въ коемъ помѣщалась столовая молодого Юсупова, куда онъ предполагалъ провести Распутина, привезя его къ себѣ во дворецъ въ намѣченный день.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стало совершенно очевиднымъ, что четырехъ лицъ недостаточно для удачнаго выполненія намѣченной операціи, въ виду нежеланія нашего привлекать къ дѣлу кого-либо изъ прислуги и необходимости имѣть своего вѣрнаго шофера, безъ коего все дѣло казалось намъ не осуществимымъ.

Я предложилъ взять въ качествѣ таковаго старшаго врача моего отряда, работавшаго въ теченіе двухъ лѣтъ со мною на войнѣ д-ра С. С. Лазаверта. Предложеніе мое было принято, и, побесѣдовавъ на тему о политическомъ положеніи Россіи еще съ полчаса, мы разстались, уговорившись собраться 24 ноября, въ 10 часовъ вечера въ моемъ поѣздѣ, стоявшемъ на товарной станціи Варшавскаго вокзала, откуда я намѣревался, пополнивъ мой отрядъ Краснаго Креста всѣмъ необходимымъ, въ среднихъ числахъ декабря двинуться на Румынскій фронтъ, въ Яссы, для работы въ раіонѣ нашихъ армій этого фронта.

24 ноября.

Сегодня я провелъ весь день въ разъѣздахъ съ д-ромъ Лазавертомъ, озабочиваясь пополненіемъ моего поѣзда всѣмъ необходимымъ передъ отъѣздомъ его на фронтъ.

Былъ въ главномъ управленіи Креста, гдѣ царитъ обычная безтолочь и занимаются интригами, орденами и писаніемъ бумагъ въ ущербъ живому дѣлу.

Въ 12 час. дня заѣхалъ къ принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, у котораго завтракалъ послѣ обычнаго доклада, отъ принца проѣхалъ въ Государственную Думу.

Какъ безконечно глубоко я уважаю этого благороднаго, чи-

стаго и честнаго самоотверженно служащаго святому дѣлу помощи раненымъ старика.

Онъ напоминаетъ мнѣ моего отца и по характеру и по темпераменту, я отношусь къ нему съ сыновней преданностью и любовью и знаю, что онъ въ свою очередь также меня любитъ и глубоко мнѣ вѣритъ.

Да, онъ горячка, онъ вспыльчивъ, онъ подверженъ вспышкамъ минутнаго гнѣва, толкающаго его иногда на безразсудныя рѣшенія, въ коихъ онъ потомъ самъ первый кается и готовъ извиниться передъ всякимъ, кого незаслуженно обидѣлъ, какъ бы ни былъ малъ тотъ, который сталъ жертвой его внезапнаго гнѣва, — но онъ весь чистота, весь кристаллъ, его благородная душа ищетъ только добра и блага. Я не знаю, что было бы съ санитарнымъ дѣломъ на фронтѣ, если бы принцъ А. П. Ольденбургскій по временамъ не исправлялъ бы властно и не каралъ бы жестоко тѣхъ, которые въ личныхъ интересахъ и въ погонѣ за чиномъ или орденомъ принимаютъ всѣ мѣры къ сокрытію санитарныхъ безобразій и недочетовъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ солдатамъ, — недочетовъ, которые такъ ярко и выпукло бросаются въ глаза всякому, кто вникаетъ въ наше военно-санитарное дѣло при посѣщеніи нашего западнаго и восточнаго фронтовъ.

Конечно, вокругъ принца цѣлая орава недостойныхъ людей: взяточниковъ, проходимцевъ, карьеристовъ, изучившихъ его слабыя стороны и подыгрывающихся подъ нихъ.

Многое изъ того, что онъ дѣлаетъ, въ силу дурныхъ совѣтовъ, яйца выѣденнаго не стоитъ, хотя и обходится въ большія деньги, но все это пустяки сравнительно съ тою пользою, которую приноситъ фронту этотъ глубокій старикъ, вѣчно кипящій юношескимъ пыломъ и молодою энергіей, безконечно добрый въ душѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ одна только его старческая улыбка, когда въ рѣдкія минуты онъ видитъ, что начатое имъ дѣло, порученное честному человѣку, приноситъ желанные плоды.

Сегодня у меня было пренепріятное столкновеніе во время

доклада у принца съ главнымъ инспекторомъ санитарной части сѣвернаго фронта Двукраевымъ, правою рукою Евдокимова, дорожащаго этимъ типомъ молодого, но изъ раннихъ.

Вотъ, признаться, тройка, которую я давно сбросилъ бы съ Тарпейской скалы: Евдокимова, главнаго медицинскаго инспектора, и двухъ его пристяжныхъ — Гюбенета западнаго фронта и Двукраева сѣвернаго; сколько зла приносятъ они нашимъ арміямъ — и не перечесть, а самое главное и ужасное зло — это вѣчное ихъ стремленіе скрыть истину и ставить палки въ колеса учрежденіямъ Краснаго Креста, работающимъ на фронтѣ, ибо имъ кажется, что каждый отрядъ не ихъ вѣдомства, работающій въ нашихъ арміяхъ, эвакуирующій и питающій раненыхъ, является живымъ укоромъ ихъ дѣятельности, свидѣтельствуя о малой ея продуктивности и слабой постановкѣ.

Мое столкновеніе съ Двукраевымъ на этой почвѣ закончилось тѣмъ, что я обозвалъ его профессіональнымъ лгуномъ при принцѣ, за что Двукраевъ вызвалъ меня на дуэль, предусмотрительно оговорившись, что будетъ драться по окончаніи войны, ибо теперь не время.

Я въ отвѣтъ только засмѣялся ему въ глаза и заявилъ, что своихъ словъ обратно не беру, а совѣтую ему больше думать о нашихъ раненыхъ, чѣмъ о способахъ скорѣйшаго полученія новыхъ орденовъ, которые сыпятся на него дождемъ, за доклады о фиктивномъ благополучіи санитарной части на ввѣренномъ ему сѣверномъ фронтѣ.

Принцъ остановилъ дальнѣйшій обмѣнъ любезностей между нами, сухо распрощавшимъ съ Двукраевымъ, и мы пошли завтракать.

Что будетъ дальше — не знаю, по всѣмъ вѣроятіямъ Двукраевъ постарается воспретить мнѣ въѣздъ на сѣверный фронтъ въ раіонѣ дѣйствующихъ армій, ибо я, по его мнѣнію, вижу то, чего видѣть мнѣ не полагается, и не могу согласиться съ системой прикрывать безобразія и работать подъ девизомъ: «все обстоитъ благополучно».

Только въ восемь часовъ вечера пріѣхалъ я къ себѣ на поѣздъ, на Варшавскій вокзалъ, и прошелъ въ вагонъ-библіотеку, чтобы распорядиться и приготовить все нужное къ нашему совѣщанію, начало котораго назначено было сегодня на 10 часовъ.

***

24 ноября.

Отпустивъ санитаровъ и шоферовъ изъ поѣзда, спустивъ шторы въ вагонѣ-библіотекѣ, я ждалъ.

Ровно въ 10 часовъ въ автомобилѣ Дмитрія Павловича пріѣхалъ онъ самъ съ Юсуповымъ и поручикомъ С.

Я познакомилъ ихъ съ д-ромъ Лазавертомъ, и мы приступили сообща къ дальнѣйшему обсужденію нашего плана, при чемъ князь Юсуповъ показалъ намъ полученный имъ отъ В. Маклакова ціанистый калій какъ въ кристаликахъ, такъ и въ распущенномъ уже видѣ въ небольшой склянкѣ, которую онъ въ теченіе всего пребыванія своего въ вагонѣ то и дѣло взбалтывалъ.

Засѣданіе наше длилось около двухъ часовъ, и мы сообща выработали слѣдующій планъ: въ назначенный день, или вѣрнѣе ночь, мы всѣ собираемся у Юсупова ровно въ 12 часовъ ночи. Въ половинѣ перваго, приготовивъ все, что нужно въ столовой у Юсупова, помѣщающейся въ нижнемъ этажѣ его дворца, мы поднимаемся на верхъ, въ его кабинетъ, откуда онъ, Юсуповъ, выѣзжаетъ къ 1 часу ночи за Распутинымъ на Гороховую въ моемъ автомобилѣ, имѣя шоферомъ д-ра Лазаверта.

Привезя Распутина къ себѣ, Юсуповъ проводитъ его прямо въ столовую, подъѣхавъ къ ней со двора, при чемъ шоферъ долженъ вплотную подогнать автомобиль къ входной двери съ такимъ расчетомъ, чтобы съ открытіемъ дверцы автомобиля силуэты выходящихъ изъ него не были бы видны сквозь рѣшетку на улицу кому-либо изъ проходящей публики какъ по эту сторону Мойки, такъ и по ту, гдѣ въ № 61 находится полицейскій участокъ и по-

мимо всего могутъ прогуливаться шпики, ибо намъ не извѣстно, увѣдомляетъ ли всегда и увѣдомитъ ли на этотъ разъ также Распутинъ своихъ тѣлохранителей, гдѣ онъ проводитъ добрую половину ночи.

По пріѣздѣ Распутина въ домъ Юсупова, д-ръ Лазавертъ, скинувъ съ себя шоферскіе доспѣхи, по витой лѣстницѣ, ведущей отъ входа мимо столовой въ гостиную князя, присоединятся къ намъ, и мы, т. е. Дмитрій Павловичъ, я, С. и Лазавертъ, становимся наверху у витой лѣстницы на всякій случай, дабы оказать помощь находящемуся внизу, въ столовой, Юсупову въ случаѣ необходимости, если бы внезапно дѣло пошло не такъ, какъ нужно.

Послѣ смерти Распутина, которая, по нашимъ соображеніямъ, должна была бы наступить черезъ десять-пятнадцать минутъ по его прибытіи во дворецъ и въ зависимости отъ дозы выпитаго имъ въ мадерѣ яду, князь Юсуповъ подымается наверхъ къ намъ, послѣ чего мы всѣ спускаемся обратно въ столовую и, сложивъ въ узелъ возможно большее изъ одежды Распутина, передаемъ это поручику С., который, облачившись въ Распутинскую шубу (С. по комплекціи и росту въ шубѣ можетъ быть принятъ шпиками, коихъ мы все-таки опасались, за Распутина, прикрывъ лицо поднятымъ воротникомъ) и взявъ узелокъ вещей Распутина, выходитъ съ Великимъ Княземъ во дворъ и садится въ автомобиль, на коемъ докторъ Лазавертъ опять за шофера; автомобиль направляется къ моему поѣзду на Варшавскій вокзалъ, гдѣ къ этому времени въ моемъ классномъ вагонѣ должна быть жарко затоплена печь, въ каковой моя жена и жена д-ра Лазаверта должны сжечь все то изъ одежды Распутина, что привезутъ С. съ Великимъ княземъ.

Вслѣдъ за симъ Лазавертъ и его пассажиры погружаютъ мой автомобиль на платформу, входящую въ составъ поѣзда, и за симъ пѣшкомъ или на извозчикахъ отправляются на Невскій во дворецъ великаго князя Сергѣя Александровича; оттуда, сѣвъ въ автомобиль великаго князя Дмитрія Павловича, возвращаются

уже въ этомъ автомобилѣ на Мойку, во дворецъ Юсупова и опять-таки со двора; подъѣхавъ вплотную къ дому, поднимаются въ гостиную, гдѣ князь Юсуповъ и я должны поджидать ихъ возвращенія.

Вслѣдъ за симъ, спустившись всѣ вмѣстѣ въ столовую, мы обворачиваемъ трупъ въ какую-либо подходящую матерію и, уложивъ мумію въ крытый автомобиль великаго князя, отвозимъ его въ заранѣе намѣченное мѣсто и бросимъ въ воду, привязавъ къ тѣлу цѣпями двухпудовыя гири, дабы трупъ не всплылъ случайно на поверхность чрезъ какую-либо прорубь, хотя это представлялось намъ едва ли возможнымъ, ибо, вслѣдствіе жестокихъ морозовъ, все въ Петроградѣ и его окрестностяхъ — рѣки, рѣчки и каналы — были покрыты толстымъ слоемъ льда, и приходилось подумать и подыскать мѣсто, свободное отъ ледяной коры, куда мы могли бы опустить трупъ убитаго Распутина. На этомъ закончилось наше засѣданіе.

Для дальнѣйшей разработки деталей, мы рѣшили собраться 1-го декабря вновь у меня въ поѣздѣ, такъ же въ 10 час. вечера; до этого времени сдѣлать основательную рекогносцировку въ окрестностяхъ Петрограда тѣхъ мѣстъ, которыя могли оказаться подходящими, для погребенія въ водѣ Распутина, при чемъ я взялся объѣхать окрестности съ д-ромъ Лазавертомъ въ качествѣ шофера на своемъ автомобилѣ, а Юсуповъ на автомобилѣ великаго князя, управлять коимъ взялся Дмитрій Павловичъ, дабы даже въ этихъ поѣздкахъ не прибѣгать къ помощи нашихъ шоферовъ-солдатъ.

Въ 12 часовъ ночи мы распрощались другъ съ другомъ и разъѣхались по домамъ, при чемъ я взялъ на себя еще порученіе купить цѣпи и гири на Александровскомъ рынкѣ для задуманнаго предпріятія.

26 ноября.

Сегодняшній день опять калейдоскопъ впечатлѣній и, по обыкновенію, съ самаго утра.

Сижу и разбираюсь въ корреспонденціи — звонокъ, подаютъ пакетъ отъ предсѣдателя совѣта правой фракціи профессора Левашова. Вскрываю: бумага съ просьбою чтобы я вернулся въ лоно правой фракціи, въ коей я занималъ мѣсто члена совѣта, до 18-го ноября и изъ коей вышелъ наканунѣ моей думской рѣчи; мотивъ — въ столь тяжелыя времена такіе люди, какъ я, особенно цѣнны для фракціи.

Прочелъ я бумагу, свернулъ ее, спряталъ, и мнѣ стало безконечно больно, горько и обидно.

Я понялъ между строкъ этого письма причину, заставившую г-на Левашова, Маркова и компанію обратился ко мнѣ съ призывомъ и просьбой о моемъ возвращеніи.

Дѣло до нельзя просто: эти господа увидѣли, что рѣчь моя въ Думѣ 19-го ноября была отраженіемъ всего того, что думаетъ и чувствуетъ вся честная Россія, всѣ въ ней государственно настроенные умы безъ различія партій и направленій.

Марковы, Замысловскіе и Левашовы поняли, что ихъ тройка пресмыкающихся предъ всякой властью, каковою бы они ни была, осталась одинокою въ Россіи; что правые въ Россіи не съ ними, а со мною; что я являюсь выразителемъ желаній и чаяній русскаго народа, а не они,лижущіе сапоги Протопопова и ставшіе его горячими поклонниками съ момента, когда этотъ проходимецъ сталъ, на горе Царя и Россіи, министромъ внутреннихъ дѣлъ и благосклонно улыбнулся ихъ бездарному органу «Земщинѣ», неспособной подняться до критики власти, и искательно смотрящей въ руку министра внутреннихъ дѣлъ, подкармливающаго ее изъ государственнаго сундука въ размѣрѣ, зависящемъ отъ степени преданности и низкопоклонства ея писакъ министру внутреннихъ дѣлъ и его политикѣ.

Какъ мнѣ памятно послѣднее засѣданіе фракціи передъ моей рѣчью, засѣданіе 18 ноября въ нашей фракціонной комнатѣ 36 въ Государственной Думѣ, гдѣ я конспективно изложилъ всю мою рѣчь фракціи и просилъ сдѣлать мнѣ честь говорить въ Думѣ отъ ея имени, въ чемъ мнѣ было отказано.

По лицамъ сидѣвшихъ я видѣлъ, что три четверти — мои горячіе сторонники; но развѣ фракція у насъ свободна въ выраженіи своихъ взглядовъ: она въ большей своей части терроризована Марковымъ, который вкупѣ съ Замысловскимъ не даютъ ей думать самостоятельно и честно по своему, обращая, въ особенности крестьянъ, въ какое-то думское быдло, а въ рѣдкіе моменты, когда даже это быдло возмущается и хочетъ думать по своему, угрожаютъ членамъ Думы тѣмъ, что въ случаѣ неугоднаго для правительства голосованія Думы по тому или другому вопросу, послѣдняя будетъ разогнана, и отвѣтственность за ея разгонъ ляжетъ на членовъ нашей фракціи, которые своими голосами дали перевѣсъ голосующимъ въ Думѣ не согласно съ видами правительства, и крестьянство, спасаясь сдѣлать ли ложный шагъ или даже просто лишиться званія члена Думы, покоряется Марковскимъ доводамъ и становится игрушкой его услужающей правительству роли.

Нѣтъ, мнѣ такая политика, такъ называемыхъ, правыхъ, оріентаціи, такъ сказать, собственнаго кармана, мнѣ она глубоко омерзительна, и я совершенно не способенъ мириться съ тѣмъ, чтобы марали мнѣ мои государственные идеалы люди, въ представленіи коихъ Россія олицетворяется шитымъ мунидиромъ говорящаго отъ ея имени подлеца на любомъ отвѣтственномъ министерскомъ посту, добравшагося до власти, обманувшаго государя и распоряжающагося государственнымъ сундукомъ; такихъ господъ я, какъ правый, по моему глубокому разумѣнію обязанъ безжалостно разоблачать, и это разоблаченіе всей честной Россіи будетъ пониматься не какъ попытка дискридитировать власть, а какъ намѣреніе оздоровить ее въ корнѣ и сдѣлать неповаднымъ для другихъ недостойныхъ тянуться къ кормилу государственнаго корабля.

Вотъ мысли, которыя вихремъ крутились у меня въ головѣ сегодня, послѣ прочтенія пригласительной бумаги фракціи вернуться въ ея лоно.

Само собой разумѣется, я оставлю этотъ призывъ безъ от-

вѣта. Съ г.г. Марковымъ, Замысловскимъ и Левашовымъ мнѣ не по пути.

Намъ не столковаться все равно ни въ будущемъ, ни въ особенности сейчасъ, въ тяжелые годы войны, когда нужно прилагать всѣ усилія къ духовному объединенію русскихъ гражданъ, внѣ всякой зависимости отъ того, какой они націи и религіи, а ставя въ упоръ только каждому вопросъ: «любишь ли ты Россію и государя и хочешь ли ты искренно побѣды нашего оружія надъ упорнымъ и сильнымъ врагомъ.

Гг. Марковымъ и Замысловскимъ, въ ихъ политическихъ, партійныхъ шорахъ, не подняться выше своей уѣздной колокольни въ тотъ день, когда на Россію нужно глядѣть съ колокольни Ивана Великаго и сумѣть многое забыть, простить и со многимъ, во имя любви къ общей родинѣ, душевно примириться...

Около 12 час. дня, ко мнѣ позвонили по телефону изъ дворца великаго князя Кирилла Владиміровича и передали, что Его Высочество проситъ меня заѣхать къ нему сегодня по важному дѣлу около 2-хъ часовъ.

Я отвѣтилъ, что буду, и рѣшилъ поѣхать, хотя великій князь Кириллъ, какъ и оба милые его брата, всегда внушали мнѣ чувство глубочайшаго отвращенія, вмѣстѣ съ ихъ матерью великой княгиней Маріей Павловной, имени коей я не могъ слышать хладнокровно на фронтѣ въ теченіе всего моего пребыванія тамъ съ первыхъ дней войны.

Я чувствую, что Владиміровичи и ихъ мамаша, оставшаяся закоренѣлой нѣмкой и германофилкой, не только вредятъ нашимъ арміямъ на фронтѣ, но и безпрестанно подкапываются подъ государя, прикрываясь идейными мотивами блага Россіи.

Они не оставили мысли о томъ, что корона Россіи когда-нибудь можетъ перейти къ ихъ линіи, и не забыть мнѣ разсказа Ивана Григорьевича Щегловитова о томъ, какъ въ бытность его министромъ юстиціи, къ нему однажды разлетѣлся великій князь Борисъ Владиміровичъ съ цѣлью выясненія вопроса: имѣютъ ли

по законамъ Россійской Имперіи право на престолонаслѣдіе они, Владиміровичи, а если не имѣютъ, то почему?

Щегловитовъ, ставшій послѣ этого разговора съ великимъ княземъ Борисомъ предметомъ ихъ самой жестокой ненависти, и получившій отъ нихъ кличку Ваньки Каина, разъяснилъ великому князю, что правъ у нихъ на престолонаслѣдіе нѣтъ вслѣдствіе того, что великая княгиня Марія Павловна, мать ихъ, осталась и послѣ брака своего лютеранкой.

Борисъ уѣхалъ, не солоно хлѣбавши, но черезъ нѣкоторое время представилъ въ распоряженіе Щегловитова документъ, изъ коего явствовало, что великая княгиня Марія Павловна изъ лютеранки уже обратилась въ православную...

Въ два часа дня я входилъ въ подъѣздъ дворца великаго князя Кирилла на улицѣ Глинки и черезъ нѣсколько минутъ былъ имъ принятъ.

Оффиціальнымъ мотивомъ приглашенія меня, какъ я понялъ изъ первыхъ словъ его разговора, было желаніе его жены Викторіи Федоровны, милѣйшей и умнѣйшей женщины, родной сестры Румынской Королевы Маріи, дать мнѣ нѣсколько порученій къ Румынской Королевѣ, въ виду отъѣзда моего съ санитарнымъ поѣздомъ на Румынскій фронтъ черезъ Яссы; но, въ сущности, это было лишь претекстомъ для нашего свиданья со стороны великаго князя, а хотѣлось ему, видимо, другого: онъ желалъ, повидимому, освѣщенія съ моей стороны настроенія тѣхъ общественныхъ группъ, въ которыхъ я вращаюсь, а попутно ему хотѣлось раскусить, отношусь ли я лично отрицательно лишь къ правительству императора, или же оппозиціонность моя подымается выше.

Повидимому, мое направленіе его не удовлетворило: онъ понялъ, что со мною разсуждать и осуждать государя не приходится, и очень быстро прекратилъ тотъ разговоръ, который самъ началъ въ этой области.

Я прошелъ съ нимъ къ Викторіи Федоровнѣ и, посидѣвъ у нея 1/4 часа, обѣщалъ направить къ ней мою жену, которой ве-

ликая княгиня хотѣла поручить сдѣлать нѣкоторыя закупки для Румынской Королевы.

Выходя изъ дворца великаго князя, я, подъ впечатлѣніемъ нашего съ нимъ разговора, вынесъ твердое убѣжденіе, что онъ вмѣстѣ съ Гучковымъ и Родзянко затѣваютъ что то недопустимое, съ моей точки зрѣнія, въ отношеніи государя, но что именно — я такъ и не могъ себѣ уяснить.

***

28 ноября.

Сговорившись по телефону съ Юсуповымъ, заѣхалъ къ нему сегодня въ 1 часъ дня, дабы вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть то помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ его дворца, которое должно стать ареной нашего дѣйства въ день ликвидаціи Распутина.

Подъѣхалъ я съ главнаго подъѣзда и прошелъ въ кабинетъ князя сквозь невѣроятный строй челяди, толпящейся у него въ передней.

«Послушайте, князь, говорю ему, неужели вся эта орава такъ и останется сидѣть въ передней съ ливрейнымъ арапомъ во главѣ въ предстоящую намъ ночь Распутинскаго раута».

Онъ засмѣялся, «нѣтъ, говоритъ, успокойтесь, останутся лишь два дежурныхъ на главномъ подъѣздѣ, а все остальное будетъ отпущено вмѣстѣ съ арапомъ».

Мы прошли съ Юсуповымъ въ столовую, помѣщающуюся, какъ я сказалъ, въ полуподвалѣ его дворца.

Тамъ работали люди, проводившіе электричество.

Столовая имѣетъ видъ пока еще довольно растерзанный: въ ней идетъ полный ремонтъ; но помѣщеніе это для пріема дорогого гостя крайне удобное, глухое и, мнѣ думается, сужу по толщинѣ стѣнъ, что, если бы даже пришлось здѣсь стрѣлять, то звукъ отъ выстрѣла, не былъ бы слышенъ на улицѣ, ибо окна, ихъ два въ комнатѣ, крайне малы и находятся почти на уровнѣ тротуара.

Послѣ осмотра помѣщенія, мы поднялись вновь наверхъ, въ гостиную князя, и черезъ четверть часа я поѣхалъ въ Государ-

ственную Думу съ цѣлью повидаться съ В. А. Маклаковымъ, болѣе тѣсное участіе коего въ нашемъ предпріятіи казалось намъ съ Юсуповымъ полезнымъ, хотя Юсуповъ и полагалъ, что Маклаковъ не согласится на активную роль.

***

Поймавъ Маклакова въ Думѣ, я, какъ говорится, сразу взялъ быка за рога и, усѣвшись съ нимъ рядомъ у бюста Императора Александра II, заявилъ ему, что для успѣха нашего дѣла насъ мало, и что крайне желательно его участіе какъ въ нашемъ послѣднемъ совѣщаніи по этому вопросу, такъ и въ выполненіи намѣченнаго плана.

Маклаковъ на меня возърился, впился въ меня взглядомъ и послѣ продолжительнаго молчанія заявилъ, что едва ли онъ можетъ быть полезенъ, какъ активный дѣятель, въ самой ликвидаціи Распутина, но что псолѣ таковой, если что-либо у насъ выйдетъ не гладко, и мы попадемся, онъ не только готовъ помочь намъ юридическимъ совѣтомъ, но и охотно выступить нашимъ защитникомъ на судѣ, если дѣло дойдетъ до таковогo.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прозондировавъ у меня приблизительный день, когда мы должны осуществить намѣченное, онъ какъ-то радостно объявилъ мнѣ, что даже независимо отъ своей воли лишенъ возможности стать болѣе тѣснымъ соучастникомъ нашимъ, ибо къ этому времени долженъ выѣхать въ Москву, гдѣ ему придется пробыть около недѣли.

«Но вотъ о чемъ я васъ горячо прошу», съ живостью добавилъ онъ, «если дѣло удастся, не откажите немедленно послать мнѣ срочную телеграмму, хотя бы такого содержанія: «когда пріѣзжаете». Я пойму, что Распутина уже не существуетъ, и что Россія можетъ вздохнуть свободно».

Я вздохнулъ, типичный кадетъ, подумалъ я, но мнѣ ничего не оставалось другого, какъ согласиться на его просьбу, и мы разстались.

***

29 ноября.

Все утро провелъ въ хлопотахъ; сначала ѣздилъ въ Александровскій рынокъ съ женой на извозчикѣ покупать гири и цѣпи, каковыя съ большими предосторожностями мы свезли на поѣздъ и размѣстили частью въ аптекѣ, а частью за книгами въ вагонѣ-библіотекѣ, во избѣжаніе любопытства нашей поѣздной прислуги.

Затѣмъ въ 1 часъ дня, послѣ завтрака, я выѣхалъ съ Лазавертомъ на моемъ автомобилѣ осматривать окрестности Петрограда, согласно рѣшенія нашего послѣдняго совѣщанія.

Лазавертъ сѣлъ за шофера, и мы прокатались безъ малаго четыре часа по жестокому морозу, всматриваясь въ каждую прорубь Невы, рѣченокъ и болотъ подъ Петроградомъ и оцѣнивая степень ихъ пригодности для намѣченнаго дѣла.

Въ началѣ шестого, продрогшіе и иззябшіе, возвратились мы домой и еле отогрѣлись большими дозами tincturæ coniaci. Въ сущности изъ всего нами осмотрѣннаго подходящими, по моему, оказались лишь два мѣста: одно — плохо освѣщаемый по ночамъ каналъ, идущій отъ Фонтанки къ Царскосельскому вокзалу, въ каковомъ каналѣ есть небольшая прорубь, и другое — за предѣлами города на старой Невкѣ у моста, ведущаго къ островамъ.

Интересно знать, что высмотрѣли Юсуповъ съ великимъ княземъ, и не привлекли ли ихъ вниманіе эти же проруби?

30 ноября.

Видѣлъ доспѣхи, пріобрѣтенные д-ромъ Лазавертомъ сегондя за 600 руб. по моему порученію: шоферская доха, нѣчто въ родѣ папахи съ наушниками, и шоферскія перчатки.

Лазавертъ облачался во все это при мнѣ и выглядитъ типичнымъ шоферомъ — хлыщеватымъ и нахальнымъ. Все купленное онъ свезъ до времени въ гостинницу Асторію, въ которой живетъ въ дни нашихъ наѣздовъ въ Петроградъ.

***

1 декабря.

Сейчасъ 1 часъ ночи. Только что изъ поѣзда моего уѣхали великій князь, Юсуповъ и поручикъ С.

Мы намѣчали дальнѣйшія детали задуманнаго.

Юсуповъ и я хотѣли бы приблизить моментъ его осуществленія и закончить все не позже 12 декабря; но, оказывается, у великаго князя Дмитрія Павловича всѣ вечера вплоть до 16 декабря разобраны, а на вечеръ, который, по словамъ Юсупова, былъ болѣе всего подходящимъ для выполненія нашего плана, у Дмитрія Павловича была назначена какая-то пирушка съ офицерами-однополчанами и ни отмѣнить ее, ни перенести на другой срокъ великій князь не могъ, такъ какъ оказывается, самъ назначилъ день этого собранія, и какая-либо перемѣна его могла бы вызвать толки.

Изъ словъ Юсупова я понялъ, что Распутинъ проявляетъ чрезвычайное нетерпѣніе скорѣе познакомиться съ интересующей его дамой, и самъ напоминаетъ и торопитъ его по телефону не откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

Юсуповъ былъ на дняхъ у Распутина и сообщилъ ему, что заранѣе увѣдомитъ о днѣ свиданія, но что сейчасъ еще въ точности опредѣлить этотъ день не можетъ, ибо графиня, интересующая Григорія Ефимовича, еще не пріѣхала и проѣдетъ въ Царское Село черезъ Петроградъ не раньше среднихъ чиселъ декабря.

«Я заѣзжалъ къ Распутину», заявилъ намъ Юсуповъ, «главнымъ образомъ для того, чтобы уяснить себѣ вопросъ: оповѣщаетъ ли вообще Распутинъ, выѣзжая въ свои ночныя похожденія, шпиковъ о мѣстѣ своего пребыванія по ночамъ, и, въ частности, намѣренъ ли онъ увѣдомить ихъ о томъ, что будетъ у меня».

«Къ сожалѣнію, добавилъ князь, этотъ вопросъ остается для меня и по-сейчасъ открытымъ, ибо ни самъ Распутинъ ни его любимая секретарша, фрейлина Головина, почти круглыя сутки проводящая у него въ квартирѣ, опредѣленнаго отвѣта мнѣ не дали».

«Какъ онъ къ вамъ относится, Феликсъ?», спросилъ Юсупова великій князь, «вы пользуетесь его довѣріемъ?»

Юсуповъ разсмѣялся: «О, вполнѣ! Я внѣ подозрѣнія. Я ему очень нравлюсь. Онъ сѣтуетъ, что я не занимаю административнаго поста и обѣщаетъ сдѣлать изъ меня большого государственнаго человѣка».

«Ну и вы»?... многозначительно взглянулъ на Юсупова и затягиваясь папиросой, кинулъ ему великій князь.

Я? потупившись, опустивъ рѣсницы и принявъ иронически-томный видъ, отвѣтилъ Юсуповъ, «я скромно заявилъ ему, что чувствую себя слишкомъ малымъ, неопытнымъ и неподготовленнымъ для службы на административномъ поприщѣ, но что я до нельзя польщенъ столь лестнымъ обо мнѣ мнѣніемъ извѣстнаго своею проницательностью Григорія Ефимовича».

Мы всѣ разсмѣялись

«C'est ravissant, mais c'est vraiment ravissant» ! нѣсколько разъ воскликнулъ великій князь.

* * *

Передъ самымъ концомъ нашего совѣщанія нами было рѣшено въ цѣляхъ отвести подозрѣнія шпиковъ, если таковые будутъ увѣдомлены Распутинымъ, о мѣстѣ его пребыванія въ вечеръ посѣщенія имъ Юсуповскаго дворца, еще сдѣлать слѣдующее: Распутинъ, какъ извѣстно, постоянно кутитъ по ночамъ въ Вилла Родэ съ женщинами легкаго поведенія; въ этомъ учрежденіи онъ считается завсегдатаемъ, своимъ человѣкомъ и хорошо извѣстенъ всей прислугѣ; посему, нами было рѣшено, чтобы въ моментъ, когда великій князь съ поручикомъ С. отправятся послѣ смерти Распутина на вокзалъ въ мой поѣздъ сжигать тамъ одежду убитаго, поручикъ С. изъ телефонной будки Варшавскаго вокзала позвонилъ въ Вилла Родэ, вызвалъ завѣдывающаго этимъ учрежденіемъ и спросилъ: прибылъ ли уже Григорій Ефимовичъ? здѣсь ли онъ? и въ какомъ кабинетѣ?

Дождавшись отвѣта, который само собою разумѣется долженъ

былъ послѣдовать отрицательный, С. кладетъ трубку, но предварительно, какъ бы про себя, у трубки и такъ, чтобы его слышалъ завѣдывающій Вилла Родэ, произноситъ: «Ага! такъ его еще нѣтъ, ну, значитъ, сейчасъ пріѣдетъ!»

* * *

Продѣлать это мы признали необходимымъ на случай, если бы нити исчезновенія Распутина привели бы сыскъ къ дворцу Юсупова.

У насъ былъ готовый отвѣтъ: да, Распутинъ былъ здѣсь, провелъ съ нами часть вечера, а затѣмъ заявилъ, что ѣдетъ въ Вилла Родэ.

Естественно, что судебныя власти обратились бы къ администраціи Вилла Родэ съ вопросомъ: былъ ли здѣсь Распутинъ, и сразу выяснилось бы, что его здѣсь ожидали, что о немъ освѣдомлялись, что спрашивали, когда онъ пріѣдетъ, и если Распутинъ не пріѣхалъ, а исчезъ, то это вина не наша, а самого Григорія Ефимовича, который, очевидно, избралъ себѣ сотоварищемъ для кутежа человѣка, ни намъ, ни полиціи неизвѣстнаго.

Расходясь мы рѣшили назначить выполненіе нашего плана въ ночь съ 16 на 17-е декабря и, во избѣжаніе могущихъ возникнуть подозрѣній, собраться еще лишь одинъ разъ опять у Юсупова 13 или 14-го декабря, сговорившись между собою по телефону словами: «Ваня пріѣхалъ».

4 декабря.

Сегодня утромъ получилъ записку отъ редактора «Историческаго Вѣстника», милѣйшаго Б. Б. Глинскаго, съ просьбой непремѣнно прибыть на засѣданіе об-ва «Русской Государственной Карты», коего я состою предсѣдателемъ, а онъ товарищемъ предсѣдателя.

Засѣданіе состоится завтра, въ 8 ½ час., въ экономическомъ клубѣ на Самсоніевской. Я отвѣтилъ Глинскому, что непремѣнно буду.

Невольно, при чтеніи записки Глинскаго, припомнилась мнѣ исторія возникновенія этого о-ва, мною созданнаго при обстановкѣ, въ высшей степени трудной.

Богъ мой! съ какими муками рождаются въ Россіи чистыя, хорошія, національныя, патріотическія учрежденія. Попробуй начать что-либо кадеты, русская власть, изъ боязни прослыть ретроградомъ, даетъ жизнь самымъ нелѣпымъ, самымъ анти-государственнымъ учрежденіямъ и организаціямъ, а постучись къ этой же власти правый, котораго вообще труднѣе раскачать къ дѣятельности, чѣмъ лѣваго, и, кромѣ препонъ, препятствій и палокъ въ колеса, такой правый ничего другого у правительства не найдетъ. Стоитъ вдуматься въ то, что продѣлываютъ съ народомъ, перевоспитывая его на свой ладъ хотя бы «лигой образованія», ея учебниками, ея учителями, кадеты, эта вреднѣйшая партія въ Россіи, этотъ вѣчно тлѣющій очагъ русской революціи. И что же? Борется ли съ этимъ правительство? Ничего подобнаго! а если и борется, то только мертвыми циркулярами министерства просвѣщенія; живой воды отъ него не жди, а между тѣмъ въ характерѣ народнаго образованія въ государствѣ таятся зерна какъ его расцвѣта, такъ и его гибели; зато съ какимъ остервенѣніемъ взялась русская правящая власть кромсать и калѣчить уставъ, созданнаго мною Филаретовскаго об-ва народнаго образованія, цѣлью коего я намѣтилъ активную борьбу дѣломъ, а не словомъ съ растлѣвателями лиги образованія, для которыхъ образованіе народа не есть цѣль, а лишь средство къ достиженію преступной цѣли-революціонизаціи народныхъ массъ. И такъ всегда, всюду и во всемъ. Чего стоило мнѣ проведеніе устава об-ва Русской Государственной Карты послѣ побѣдоносной войны.

Казалось бы, что можетъ быть болѣе патріотичнаго, болѣе отвѣчающаго моменту! Анъ, нѣтъ! Мѣсяцы проходили въ канцелярской волокитѣ, и правительственное veto дамокловымъ мечемъ повисло надъ моимъ проектомъ, а между тѣмъ вся Германія покрыта сѣтью об-въ подобныхъ тому, которое я задумалъ, хотя тамъ они неизмѣримо менѣе необходимы, чѣмъ у насъ въ Россіи,

ибо германское правительство и, въ частности министерство иностранныхъ дѣлъ въ Германіи, національны, а наши правители и зевсы, возсѣдающіе на Мойкѣ со времени Нессельродэ, за рѣдкими исключеніями, давно забыли о томъ, какой они національности и чьи интересы представляютъ, заботясь лишь о красотѣ стиля, à la Горчаковъ, своихъ нотъ и дипломатическихъ бумагъ, художественно выполняемыхъ на французскомъ языкѣ не безъ перцу билибинскаго остроумія.

Россія и руские интересы у нихъ на заднемъ планѣ, и любой англичанинъ или нѣмецъ, а сейчасъ уже и японецъ, подкуривъ рускому дипломату какъ слѣдуетъ, могутъ обвести его вокругъ своего пальца и заставить поступиться насущнѣйшими интересами и потребностями Россіи въ любой моментъ.

Какъ сейчасъ помню мой визитъ къ Штюрмеру на острова лѣтомъ (онъ жилъ въ Елагиномъ дворцѣ по должности премьеръ-министра) въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Петроградъ съ фронта.

Штюрмеръ принялъ меня дружески; но скрививъ невѣроятную рожу, когда я ему объяснилъ, съ нужною осторожностью, чтобы не задѣть нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, цѣль и задачи проектируемаго мною об-ва.

«Германія, заявилъ я Штюрмеру, покрыта сѣтью аналогичныхъ учрежденій; задача каждаго изъ нихъ нарисовать народу карту будущихъ границъ Германіи съ сѣвера, юга, востока и запада, въ случаѣ побѣдоноснаго окончанія ею войны».

«Общество, которое я создаю, и въ которое войдутъ писатели, ученые, публицисты, профессора всѣхъ партій и направленій, будетъ также имѣть цѣлью нарисовать русскому народу будущую карту Россіи и обосновать исторически, географически и этнографически ея возможныя границы, дабы въ моментъ заключенія нами мира русскій народъ понималъ бы, чего онъ имѣетъ право требовать, а русская дипломатія могла бы въ своихъ притязаніяхъ на ту или другую территорію опираться на волю русскаго народа, принесшаго столь большія жертвы отечеству въ годину

брани и имѣющаго, въ силу этого, нравственное право быть сознательнымъ вдохновителемъ русской дипломатіи, которая, опираясь на волю народную, можетъ говорить тверже на мирномъ конгрессѣ, увѣреннѣе и съ тою властностью, которая должна быть присуща представителямъ Россіи».

Штюрмеръ слушалъ меня, и когда я кончилъ, заявилъ: «конечно, В. М., это об-во не можетъ принести вреда, хотя явится, какъ бы, органомъ контроля въ моментъ мирныхъ переговоровъ нашихъ надъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, мною возглавляемымъ, но и существенной пользы отъ такого общества я не вижу. Дѣло въ томъ, добавилъ онъ мнѣ многозначительно, что я, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ вызвалъ уже къ себѣ профессора Дмитрія Ивановича Иловайскаго и просилъ его набросать мнѣ схему нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на западѣ, дабы явиться во всеоружіи въ дни мирныхъ переговоровъ».

Какъ ни серьезенъ былъ предметъ нашего разговора, но при упоминаніи имени Д. И. Иловайскаго, которому Штюрмеръ уготовилъ мѣсто нимфы Эгеріи при своей особѣ по иностраннымъ дѣламъ, я не могъ не улыбнуться. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли себѣ представить роль, болѣе жалкую роли русскаго уполномоченнаго на будущемъ мирномъ конгрессѣ, натасканнаго 80-лѣтнимъ Д. И. Иловайскимъ, почти впавшимъ уже въ дѣтство отъ преклонныхъ лѣтъ и, естественно, совершенно неспособнаго оріентироваться въ современной Европейской конъюнктурѣ, и въ той роли, которую должна играть Россія, какъ славянская держава, среди народовъ Европы по окончаніи міровой войны.

Мы разстались съ Штюрмеромъ холоднѣе, чѣмъ встрѣтились, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, благодаря содѣйствію товарища моего по Думѣ и моего пріятеля министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова, я добился утвержденія устава моего об-ва «Государственной карты», которое и оказалось въ высшей степени жизненнымъ, заинтересовавъ собою виднѣйшихъ представителей нашей общественной и политической мысли всѣхъ направленій.

Вотъ что припомнилось мнѣ при чтеніи приглашенія Глинскаго пріѣхать завтра на засѣданіе общества...

Весь день ѣздилъ по дѣламъ снабженія моего поѣзда, который долженъ прибыть въ Румынію въ блестящемъ видѣ, ибо, говорятъ, наша армія тамъ нуждается рѣшительно во всемъ.

Досталъ: сапоги для солдатъ, благодаря содѣйствію принца Ольденбургскаго; цѣннѣйшія медикаменты, которые передали мнѣ американцы; массу бѣлья, раздобытаго графиней Мусинъ-Пушкиной, и, наконецъ, пріобрѣлъ еще для вагона-библіотеки цѣлую серію русскихъ и иностранныхъ классиковъ и библіотеки для солдатъ, которые роздамъ по полкамъ нашимъ воинамъ на чужбинѣ.

Возвратился домой поздно невѣроятно уставшимъ, но безконечно счастливымъ удачей всѣхъ моихъ въ этой области начинаній.

Вечеромъ, по обыкновенію, читалъ оды Горація въ подлинникѣ, въ коихъ каждый разъ нахожу все новыя и новыя красоты. Онъ положительно никогда, мнѣ кажется, не способенъ прискучить!

Что за прелесть, напримѣръ, ода:

Ovi profanum vulgus et arces или: O navis referent in mare te novi fluctus!

Какая жалость, что латинскій языкъ, этотъ языкъ боговъ, въ такомъ загонѣ въ нашей средней школѣ!

***

5 декабря.

Утромъ заѣхалъ, какъ всегда, въ Государственную Думу получить почту, ибо, если просрочить два-три дня, то набирается столько писемъ со всей Россіи, что не успѣваешь въ нихъ толкомъ разобраться, и подчасъ дѣльное пробѣгаешь не съ должнымъ вниманіемъ.

Разговорился съ членомъ Государственной Думы графомъ Капнистомъ, шедшимъ на засѣданіе какой-то думской комиссіи.

По обыкновенію, вопросъ коснулся того, что составляетъ сейчасъ ужасъ Россіи — политики Протопопова.

«Нѣтъ, графъ, замѣтилъ я, я все-таки удивляюсь не тому, что Протопопову предложенъ былъ постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а тому, что онъ его принялъ, вѣдь какъ никакъ онъ кажется человѣкъ съ мозгами и долженъ же понимать, что не ему съ его административнымъ опытомъ вести въ такое время управленіе русскаго государственнаго корабля».

«Вы плохо его знаете», замѣтилъ съ живостью Капнистъ. «Во-первыхъ, онъ крайне самонадѣянъ, а во-вторыхъ, честолюбивъ. Представьте, что онъ мнѣ сказалъ на дняхъ въ отвѣтъ на мой ему попрекъ, что онъ не у мѣста».

«Да, говоритъ, тебѣ хорошо говорить; ты графъ, ты Капнистъ, ты богатъ, у тебя деньги куры не клюютъ, тебѣ нечего искать и не къ чему стремиться; а я въ юности давалъ уроки по полтиннику за часъ, и для меня постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ то положеніе, въ которомъ ты не нуждаешься».

«А! добавилъ Капнистъ, какъ вамъ нравится такая идеологія?»

Я пожалъ плечами — «пошлякъ! считающій, повидимому, что министерскіе посты должны быть удѣломъ пробивающихъ себѣ дорогу, внѣ зависимости отъ ихъ талантовъ, и что они должны являться компенсаціей нѣкогда судьбою обойденнымъ».

Днемъ заѣзжалъ на Мойку въ складъ бѣлья императрицы, находящійся въ вѣдѣніи жены военнаго министра Сухомлиновой. Дѣло въ томъ, что въ головныхъ отрядахъ моихъ на фронтѣ устраиваются бани для солдатъ, и поэтому, сколько бѣлья ни возьми изъ Петрограда, все его оказывается мало.

Я не выношу Сухомлиновой, этой, по моему, международной авантюристки типа Маріи Тарновской; но, дѣло прежде всего и, какъ говорится, съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ.

Полгода тому назадъ сестра моя, работавшая въ складѣ императрицы въ зимнемъ Дворцѣ и отказавшаяся отъ работы только послѣ того, какъ разговорнымъ языкомъ тамъ сталъ почти

исключительно нѣмецкій, посовѣтовала мнѣ обратиться къ завѣдывающей складомъ княжнѣ Оболенской съ просьбой дать мнѣ извѣстное количество бѣлья.

Я послѣдовалъ ея совѣту и, по указанію княжны Оболенской, послалъ телеграмму императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, въ коей изложилъ мою просьбу, но, какъ и слѣдовало ожидать (я разсчитывалъ, что дѣло обойдется безъ императрицы и ограничится простымъ распоряженіемъ Оболенской), Александра Федоровна, которая меня терпѣть не можетъ, въ просбѣ моей отказала, о чемъ я и получилъ отвѣтъ черезъ графа Ростовцева.

Отвѣтъ очень обидный, ибо въ немъ было сказано, что императрица своими курьерами посылаетъ періодически бѣлье въ армію.

Я мысленно назвалъ себя дуракомъ за то, что обратился, хотя и не для себя, съ просьбою къ Александрѣ Федоровнѣ: курьеры, которые дѣйствительно развозятъ бѣлье по арміямъ, но раздаютъ его тыловымъ армейскимъ учрежденіямъ, которыя по горло всѣмъ снабжены въ ущербъ босому и голому фронту, снабженіемъ исключительно коего я занимаюсь, разсылая и развозя медикаменты, бѣлье, сапоги, табакъ и книги по окопамъ.

У Сухомлиновой на Мойкѣ работаетъ цѣлый муравейникъ дѣвицъ и дамъ. Работа, видимо, спорится, но что скверно, такъ это то, что тутъ же, въ качествѣ адъютантовъ, не вѣдомо для какихъ порученій, примостилось NN-ое количество тыловыхъ прапоровъ ускореннаго выпуска изъ богатыхъ семействъ всякихъ званій; все это ходитъ въ защитныхъ френчахъ, пороху никогда не нюхало и нюхать не будетъ.

По временамъ въ этотъ складъ въ кургузой тужуркѣ, петанлерчикомъ, чиномъ сходитъ военный министръ Сухомлиновъ, находящійся, очевидно, сужу по манерѣ обращенія съ нимъ жены, въ безконечномъ ей подчиненіи и рѣшительно на все смотрящій ея глазами.

Раздобывъ бѣлья у Сухомлиновой, проѣхалъ къ принцу Ольденбургскому по весьма важному вопросу: русская армія въ по-

слѣднее время на всѣхъ фронтахъ несла большія потери отъ нѣмецкихъ удушливыхъ газовъ; я выяснилъ на фронтѣ одну изъ причинъ этого ужаснаго явленія: она заключается въ томъ, что почтенное интендантство наше періодически посылаетъ въ полки противогазовыя маски «Зелинскаго» въ обрѣзъ, т. е. по числу солдатъ въ полку, не давая возможности полкамъ имѣть хотя бы самый минимальный излишекъ масокъ, въ качествѣ запаса.

Въ результатѣ получается слѣдующее: полкъ въ составѣ 4000 штыковъ получилъ сегодня, допустимъ, 4000 предохранительныхъ масокъ, которыя и поступили, какъ предметъ обмундированія, ко всѣмъ рядовымъ. На завтра бой, полкъ потерялъ на полѣ сраженія треть или четверть своего состава. Черезъ недѣлю пришло пополненіе, снабдить его масками полкъ не можетъ, а на просьбу о снабженіи полкового командира сверху, справившись по своимъ вѣдомостямъ, отвѣчаютъ, не считаясь съ боевою дѣятельностью полка за это время: «Вашъ полкъ, такого-то числа снабженъ полностью противогазовыми масками и дать больше сейчасъ не можемъ иначе, какъ въ ущербъ другимъ частямъ». Сегодня пришла бумага, а завтра нѣмцы, выпустивъ ядовитые газы, истребляютъ пришедшее въ полкъ пополненіе, не имѣющее масокъ.

Принцъ А. П. Ольденбургскій отнесся въ высшей степени сочувственно къ изложенному мною, обѣщалъ исхлопотать мнѣ для раздачи, гдѣ нужно, на фронтѣ 25.000 масокъ Зелинскаго и, независимо того, указать интенданству, чтобы впредь въ полки посылалось масокъ съ расчетомъ на пополненіе каждаго полка.

Лишь въ 7 часовъ я возвратился домой, пообѣдалъ и въ 8 ½ час. входилъ на засѣданіе Об-ва русской Государственной Карты.

Глинскій хотѣлъ мнѣ, какъ Предсѣдателю Общества, уступить предсѣдательство на засѣданіи, но я отказался. Какъ человѣкъ слишкомъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, называемыхъ крайними правыми, я не люблю отпугивать своею особою отъ создаваемыхъ мною учрежденій людей умныхъ, полезныхъ,

но недостаточно политически мужественныхъ: и по сему, выполняя всю черную работу въ томъ дѣлѣ, которое я создаю, я первое мѣсто и казовую роль всегда предоставляю людямъ, которые хотятъ и могутъ работать, но политическая окраска коихъ не столь опредѣленна и ярка, какъ моя; и чуждый мелкаго честолюбія, я вижу, какъ дѣло, мною созданное, двигается не отпугивая, а притягивая къ себѣ другихъ полезныхъ и нужныхъ людей.

Сегодня, въ виду соединеннаго собранія секцій Общества по Персидской, Турецкой, Австрійской и Германской границамъ, собралось очень много народу. Я засталъ А. А. Башмакова, Д. И. Вергуна, профессора Ф. И. Успенскаго, профессора Жилина, А. Ф. Васильева и много незнакомыхъ мнѣ лицъ статскихъ и военныхъ въ генеральскихъ погонахъ, фамиліи коихъ я такъ и не узналъ. Дѣло въ томъ, что предсѣдателями секцій кооптируются въ каждую нужные люди, активные работники и знатоки вопроса, и упоминать всѣхъ представляется затруднительнымъ.

Засѣданіе затянулось. Было крайне интересно, но чего я не люблю, такъ это привычекъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ знатоковъ произносить длинныя рѣчи по вопросамъ яснымъ для всѣхъ присутствующихъ, съ исключительною цѣлью блеснуть своею освѣдомленностью.

Удивительно созданъ русскій человѣкъ, средній русскій человѣкъ, дѣлающій исторію Россіи; онъ никогда не можетъ добиться положительныхъ, реальныхъ результатовъ, предпринимая что-либо, ибо всего ему мало, и онъ вѣчно вдается въ крайности. Въ Россіи нѣтъ лучшаго способа, провалить какое-нибудь дѣло, прочно и хорошо поставленное и твердо обоснованное, какъ предложить нѣчто большее тому, что намѣчено къ осуществленію. Толпа, и даже не простая, а интеллигентная толпа, непремѣнно ухватится за «благодѣтеля», внесшаго свой коррективъ въ разумное осуществимое, но въ сравнительно скромное предложеніе, и все пойдетъ къ чорту.

Вотъ ужъ дѣйствительно le mieux у насъ въ Россіи est l'ennemi du mal. И Гракхи съ первыхъ же шаговъ были бы за-

бросаны у насъ камнями. Стоило послушать только, что говорилъ сегодня на засѣданіи извѣстный славянофилъ, дядька Черноморъ, какъ я его называю, длиннобородый А. Ф. Васильевъ, чтобы понять, до какихъ абсурдовъ можно довести дѣло, отдай мы его въ руки ученымъ теоретикамъ славянофильскаго лагеря. Когда Васильевъ заговорилъ о будущихъ русскихъ границахъ на западѣ и сталъ проводить нашу съ Австріей въ будущемъ пограничную межу, и я и многіе изъ присутствующихъ буквально не могли удержаться отъ смѣха, хотя онъ каждое территоріальное пріобрѣтеніе наше старался такъ или иначе обосновать либо исторически, либо географически, либо этнографически.

«Афанасій Васильевичъ!» говорю я ему, «вѣдь вы рисуете прямо фантастическія границы, нужно дать такую карту, которая была бы пріятна русскому народу, но и пріемлема для Европы и признана нашими союзниками, а вѣдь на то, что вы рисуете, можетъ пойти только сумасшедшій изъ нихъ».

Онъ на меня воззрился: «что намъ, говоритъ, Европа, вѣдь и здѣсь живутъ славяне, вѣдь и это исконное наше», и тычетъ пальцемъ по картѣ.

Предсѣдателю послѣ часовой рѣчи Васильева съ трудомъ удалось остановить фонтанъ его политическаго блудословія и фантастическихъ славянскихъ грезъ, послѣ чего засѣданіе опять вошло въ русло продуманнаго обсужденія нашихъ пограничныхъ линій на востокѣ и западѣ по проекту картъ, составленныхъ спеціалистами изъ числа членовъ общества.

Въ 12 часовъ ночи, до окончанія засѣданія, я покинулъ его и возвратился домой.

7 декабря.

Начались засѣданія экстреннаго съѣзда объединеннаго дворянства.

Цѣль занятій: выработка и поднесеніе всеподданнѣйшаго адреса государю, съ указаніемъ на грозную опасность, которой подвергается и династія и Россія, вслѣдствіе вліянія на всѣ ор-

ганы государственнаго управленія безотвѣтственныхъ темныхъ силъ, т. е. иначе говоря Распутина и всей его придворной и чиновно-бюрократической клики. Жить становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе невыносимо.

Государь совершенно не видитъ или не хочетъ видѣть той пропасти, въ которую толкаетъ Родину его злой геній — Александра Федоровна.

Я вслушиваюсь въ рѣчи дворянъ на собраніи, которое чрезвычайно многолюдно, ибо вернулся обратно въ лоно объединеннаго дворянства цѣлый рядъ губерній, отдѣлившихся было раньше, вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій съ совѣтомъ объединеннаго дворянства по вопросамъ политическаго характера, и мнѣ становится понятнымъ все болѣе и болѣе, что адресъ дворянства будетъ проникнутъ и чувствомъ глубокой вѣрноподданнѣйшей преданности и чувствомъ достойной смѣлости, исключающей возможность звуковъ холопскаго раболѣпія и попытокъ затушевать горькую дѣйствительность.

Рѣчи дворянъ на собраніи полны достоинства, проникнуты глубочайшею скорбью и забвеніемъ всякихъ личныхъ интересовъ сословія, считающаго своимъ нравственнымъ долгомъ, въ это тяжелое время, сказать царю правду безъ обиняковъ, ту правду, которую видитъ и знаетъ весь русскій народъ, но которую отъ царя скрываютъ льстецы, лицемѣры и придворные холопы въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ.

Предсѣдательствуетъ на собраніи князь Куракинъ, умный, дѣльный и проникнутый глубокимъ патріотизмомъ человѣкъ.

Диссонансовъ въ рѣчахъ почти не слышется; стушевались обычные типы, столь примелькавшіеся на очередныхъ засѣданіяхъ объединеннаго дворянства, почитающіе гвоздемъ его работы объединительный дворянскій обѣдъ у Контана или Медвѣдя.

Не видно ни Астраханскаго дворянина Сергѣева, ни болтуна дворянина Павлова: они исчезли, стушевались, имъ здѣсь сегодня не мѣсто, ибо дворянство не проситъ ничего для себя, не говоритъ о своихъ нуждахъ и сословныхъ интересахъ, а, какъ первое сос-

ловіе Имперіи, идетъ къ царю отъ имени его народа, съ цѣлью оберечь самого царя, какъ первую святыню русской государственности.

Я рѣдко видалъ большее единодушіе, чѣмъ наблюдаемое мною на знаменательномъ, историческомъ сегодняшнемъ съѣздѣ.

Графъ А. А. Бобринскій, этотъ осторожный политикъ, тонкій, умный и честный придворный человѣкъ и проницательный В. І. Гурко говорятъ одинаковымъ языкомъ со скромнымъ дво
ряниномъ изъ далекаго медвѣжьяго угла Россіи, пріѣхавшимъ съ накопившимся чувствомъ душевной боли и горечи.

Да, дворянство не умерло, какъ ни хоронятъ его перья газетныхъ писакъ кадетскаго лагеря, и не можетъ быть того, чтобы царь не внялъ голосу своихъ слугъ, съ рискомъ для себя идущихъ къ нему съ горькими словами не прикрашенной вѣрноподданнической правды.

Рѣдкіе голоса протеста общему настроенію вызываютъ гадливое чувство къ говорящимъ, которые, очевидно, и въ данное время хотятъ что-либо заполучить для себя, подыгрываясь къ тѣмъ темнымъ силамъ, противъ которыхъ ополчается дворянство, въ полномъ единеніи со всѣмъ русскимъ народомъ.

Рѣчь сенатора Охотникова, выступившаго въ такой роли порицателя дворянскихъ настроеній, встрѣчена была глубокимъ молчаніемъ собранія, раскусившаго, что въ Охотниковѣ говоритъ холопъ, а не вѣрноподданный честный царскій слуга.

Я слушалъ его, когда онъ говорилъ, и зналъ этого «финансиста» по акцизу и многія темныя стороны его дѣятельности въ прошломъ, съ омерзѣніемъ вглядывался въ эту бритую физіономію, поучавшую дворянство понятіямъ долга, чести и вѣрноподданнѣйшей преданности.

Превосходно говорилъ В. Гурко, не безъ ноты, но дѣльно гр. Олсуфьевъ и гр. Мусинъ-Пушкинъ.

Во время перерыва я записался, намѣреваясь, также коснуться нѣкоторыхъ положеній проекта адреса, составленнаго спе-

ціальной комиссіей изъ членовъ совѣта объединеннаго дворянства и представителей губерній.

Въ концѣ рѣчи своей я хотѣлъ переименовать лицъ, которыя могли бы съ честью въ данное время занять отвѣтственные министерскіе посты; но В. Гурко, которому я сообщилъ о своемъ намѣреніи, испуганно схватилъ меня за рукавъ и сталъ просить, Боже упаси, этого не дѣлать: «Вѣдь вы знаете, результаты получатся какъ разъ обратные: государь подумаетъ, что мы его хотимъ учить, и перечисленныя вами лица, вмѣсто того, чтобы стать у власти, сразу попадутъ въ разрядъ политическихъ мертвецовъ съ похоронами по первому разряду. Вы знаете, царь терпѣть не можетъ указаній; ради Бога, въ интересахъ дѣла, откажитесь отъ своего намѣренія».

Я согласился съ нимъ и, подойдя къ предсѣдательскому столу, вычеркнулъ свою фамилію изъ списка ораторовъ.

Послѣ незначительныхъ преній, послѣ перерыва, проектъ всеподданнѣйшаго адреса, прочтенный княземъ Куракинымъ подъ громъ аплодисментовъ, не смолкавшихъ по крайней мѣрѣ пять минутъ въ залѣ, былъ съ самыми небольшими измѣненіями принятъ всѣмъ собраніемъ, голосовавшимъ по губерніямъ, и дворяне стали расходиться молча съ сознаніемъ честно исполненнаго большого патріотическаго долга.

Во время самаго голосованія адреса, вниманіе мое привлекла одна фигура, нравственная физіономія коей стала предо мною на этомъ собраніи во весь свой неприглядный ростъ. Эта фигура Новооскольскаго, Курской губ., предводителя дворянства, блестящаго современнаго поэта-памфлетиста Мятлева.

Кто изъ проживающихъ въ Петроградѣ, посѣщающихъ великосвѣтскіе салоны и гостиныя, не списывалъ порою тамъ для себя того или другого моднаго стихотворенія Мятлева, затрогивавшаго всегда очень зло и остроумно русскія общественныя и политическія болячки и не щадившаго въ своихъ стихотвореніяхъ даже царя.

«Какъ... вы не читали послѣдняго стихотворенія Мятлева?» удивленно спрашиваютъ васъ обыкновенно X, У, X, и немедленно кто-либо изъ присутствующихъ въ салонѣ вынимаетъ изъ записной книжки клочекъ бумаги съ послѣднимъ изъ произведеній поэта, преимущественно памфлетическаго характера.

«Вотъ, говорятъ вамъ, спишите для себя», и вы тутъ же списываете стихотвореніе, которое ходитъ по рукамъ анонимкой и облетаетъ не только весь Петроградъ въ кратчайшій срокъ, но весьма быстро и всю Россію.

Рѣзко и зло бичуетъ сатира Мятлева все то, что считаетъ достойнымъ своего вниманія, выставляя порою въ крайне смѣшномъ видѣ и не щадя самого императора.

Послѣднее обстоятельство всегда меня до нельзя раздражало, ибо, по моему крайнему разумѣнію, царь не можетъ фигурировать въ сатирическихъ произведеніяхъ, какъ бы талантливы они ни были, ибо это затрогиваетъ престижъ того, кто въ глазахъ народа долженъ стоять на высокомъ пьедесталѣ, и чье имя не можетъ трепаться въ балаганѣ. Такъ думалъ я раньше, такъ думаю и сейчасъ.

Дерзкій и наглый человѣкъ, думалъ я о Мятлевѣ въ то время, какъ окружающіе меня при чтеніи его произведеній произносили: «Какъ ловко пишетъ, или отдѣлалъ, бестія, ну и смѣльчакъ!» И вотъ сегодня, на дворянскомъ съѣздѣ, я увидѣлъ, что изъ себя, въ нравственномъ смыслѣ, представляетъ этотъ «смѣльчакъ», поэтъ Мятлевъ: явившись на съѣздъ въ роли курскаго губернскаго предводителя, въ виду отсутствія милѣйшаго князя Л. И. Дундукова - Изъѣдинова, Мятлевъ, почувствовавъ, что принятіе адреса Курскою губерніей дѣлаетъ его болѣе всего отвѣтственнымъ за голосованіе, вслѣдствіе занятаго имъ случайно положенія, сталъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы курское дворянство высказалось противъ принятія адреса, отредактированнаго спеціальной комиссіей дворянскаго съѣзда, ибо, по мнѣнію его, Мятлева, дворянство такимъ языкомъ царю говорить не можетъ.

Я положительно ушамъ своимъ не вѣрилъ, видя его мяту-

щимся среди своихъ дворянъ и упрашивающимъ ихъ не присоединяться къ другимъ губерніямъ, единодушно высказавшимся за адресъ.

«Такъ вотъ ты кто?» съ гадливымъ чувствомъ повторялъ себѣ я; изъ-за угла, анонимно въ памфлетахъ высмѣивать царя и трепать его имя ты считаешь возможнымъ, а здѣсь, возвысить свой голосъ со всѣмъ дворянствомъ открыто, честно и прямо не по тебѣ. Холопъ, думалъ я, дрожащій за свои камергерскіе штаны и боящійся утерять свой камергерскій ключъ, и когда? въ такое время!..

***

9 декабря.

Въ городѣ передаются опять самые фантастическіе слухи о перемѣнахъ на высшихъ правительственныхъ постахъ. Сегодня заѣзжалъ въ Думу, гдѣ по рукамъ уже ходитъ телеграмма, посланная, какъ говорятъ Распутинымъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, пребывающей въ ставкѣ; апокрифъ ли эта телеграмма, или дѣйствительно существуетъ такая, но изъ устъ въ уста передается ея текстъ: «пока Дума думаетъ да гадаетъ, у Бога все готово: первымъ будетъ Иванъ, вторымъ назначимъ Степана». Объясняютъ это такъ: Щегловитовъ намѣчается Распутинымъ на постъ премьера, и Бѣлецкій министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такъ ли это или нѣтъ, увидимъ въ ближайшемъ будущемъ. Все можетъ быть, ибо каждый день приноситъ намъ все новые и новые сюрпризы.

Александра Федоровна распоряжается Россіей, какъ своимъ будуаромъ, но назначаемые на министерскіе посты, благодаря ей и Распутину, люди чувствуютъ себя настолько не прочно, что даже не переѣзжаютъ на казенныя квартиры, а остаются на своихъ частныхъ.

Наше время напоминаетъ страницы царствованія Павла Петровича: никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и люди, взысканные милостью сегодня, завтра могутъ очутиться на улицѣ.

***

Я не въ состоянiи безъ боли видѣть все это и мысленно задаю себѣ вопросъ: «неужели государь не въ силахъ заточить въ монастырь женщину, которая губитъ его и Россiю, являясь злымъ генiемъ русскаго народа и династiи Романовыхъ. Неужели государь не видитъ, куда она толкаетъ насъ? какъ дискредитируетъ она монархическiй принципъ и позоритъ самое себя, будучи, въ чемъ я увѣренъ, чистой въ отношенiяхъ своихъ къ Распутину, который сумѣлъ околдовать ее лишь на религiозной почвѣ». А что говорятъ! «царь съ Егорiемъ, а царица съ Григорiемъ», вотъ что собственными ушами я слышалъ вчера въ группѣ молодыхъ солдатъ, проѣзжая по Загородному, мимо казармъ Семеновскаго полка. Каково это слышать намъ, монархистамъ, а можно ли наказать пошляка, балагура, говорящаго вслухъ о томъ, что молча съ горечью наблюдаютъ всѣ.

Боже мой! чѣмъ бы я ни занимался, гдѣ бы я ни былъ, съ кѣмъ бы я ни былъ, о чемъ бы я ни говорилъ, — червемъ точитъ меня мысль вездѣ и всюду: живъ онъ — этотъ позоръ Россiи, каждый часъ можно ожидать какой-либо новой неожиданности, каждый день онъ мараетъ все болѣе и болѣе царя и его семью. Уже грязная клевета черни касается, на этой почвѣ, чистыхъ и непорочныхъ великихъ княженъ — царскихъ дочерей, а этотъ гадъ, этотъ хлыстъ забираетъ что день, то больше и больше силы, назначая и смѣщая русскихъ сановниковъ и обдѣлывая черезъ шарлатановъ въ родѣ Симановича и князя Михаила Андронникова свои грязныя денежныя дѣла.

***

Все то чистое и честное, что по временамъ дерзаетъ возвысить свой голосъ у царскаго трона противъ него, подвергается немедленной немилости и опалѣ. Нѣтъ того административнаго поста, какъ бы высокъ онъ ни былъ, который гарантировалъ бы безопасность вельможѣ, дерзнувшему указать царю на недопустимость дальнѣйшаго влiянiя Распутина на ходъ русской политики

и государственныхъ дѣлъ. Гдѣ честнѣйшій и благороднѣйшій А. Д. Самаринъ, занимавшій постъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода? Онъ уволенъ. Онъ оказался не на мѣстѣ, ибо не могъ мириться съ ролью исполнителя Распутинской воли; не могъ терпѣть на епископскихъ постахъ монаховъ вродѣ Варнавы, Мардарія и Путяты, и на мѣсто его посаженъ черезъ Распутина какой-то директоръ женскихъ курсовъ Раевъ, темная и совершенно неизвѣстная личность, а въ помощники ему для вершенія дѣлъ церкви, тѣми же путями, прошелъ юродивый князь Жеваховъ.

Гдѣ начальникъ дворцовой канцеляріи князь Владиміръ Орловъ? Онъ высказался противъ Распутина и долженъ былъ немедленно покинуть дворъ.

Гдѣ генералъ В. Ф. Джунковскій? Его постигла та-же участь, несмотря на тѣсную близость его къ царю.

Гдѣ фрейлины княжны Орбеліани и Тютчева, бывшая столько лѣтъ воспитательницей великихъ княженъ?

Ихъ нѣтъ при дворѣ, ибо онѣ дерзнули поднять свой голосъ противъ Распутина.

Въ силѣ лишь тотъ, кому покровительствуетъ этотъ гадъ, и само собою разумѣется первое мѣсто поэтому при дворѣ занимаютъ Месалина Анна Вырубова и прощалыга-аферистъ дворцовый комендантъ Владиміръ Воейковъ.

Государь подпалъ совершенно подъ вліяніе своей супруги; онъ считаетъ вмѣшательствомъ въ свои семейныя дѣла всякое напоминаніе ему со стороны вѣрнѣйшихъ и честнѣйшихъ его слугъ о тлетворной роли Распутина при дворѣ. Богъ мой, какъ я понималъ при чтеніи воспоминаній Бисмарка его ненависть къ императрицѣ — женѣ Вильгельма I.

***

Бывшій министръ путей сообщенія Рухловъ мнѣ какъ-то говорилъ, что, когда однажды онъ, во время своего доклада въ Царскомъ Селѣ царю, коснулся имени Распутина въ связи съ какимъ-то вопросомъ, государь немедленно перестала его слушать,

сталъ барабанить пальцами по столу и, обернувшись лицомъ къ саду, началъ напряженно смотрѣть въ окно.

Рухловъ тотчасъ же понялъ, что дальнѣйшій разговоръ въ этомъ, направленіи можетъ для него плохо окончиться и, прервавъ докладъ по поднятому вопросу, связанному съ именемъ Распутина, перешелъ къ другому.

Честность, порядочность, идейность, самоотверженность сейчасъ не ставятся ни въ грошъ, и у власти могутъ находиться лишь тѣ, которые въ лучшемъ случаѣ способны закрыть глаза на все продѣлываемое Распутинымъ и готовы безпрекословно исполнять приказанія его чудовищно-безграмотныхъ записокъ, разсылаемыхъ день за день въ огромномъ количествѣ по всѣмъ вѣдомствамъ и административнымъ учрежденіямъ Петрограда, начиная отъ министровъ и кончая мелкими чиновниками.

Неисполненіе воли Распутина, излагаемой въ ультимативномъ тонѣ, влечетъ за собою, въ ближайшемъ будущемъ, месть хлыста строптивому чиновнику и назначеніе на его мѣсто другого, послушнаго, податливаго и не способнаго сопротивляться его волѣ.

Императрица Александра Федоровна, глядящая на все, на всѣхъ и на вся глазами Распутина, дѣлитъ служащихъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ на двѣ группы: «наши» и «не наши».

Первая поощряется всѣми мѣрами, вторую исподволь сплавляютъ, замѣщая опростанныя мѣста «нашими».

* * *

Принцъ А. П. Ольденбургскій разсказывалъ на дняхъ, на что онъ напоролся въ ставкѣ, куда ѣздилъ съ докладомъ къ государю; прибывъ въ Могилевъ, онъ пожелалъ быть принятымъ молодой императрицей, проживающей въ дни пребыванія своего въ Могилевѣ не во дворцѣ съ императоромъ, а въ своемъ поѣздѣ на вокзалѣ.

Принцъ не могъ быть принятъ царицей, ибо она еще спала, несмотря на сравнительно поздній часъ.

Освѣдомившись о причинѣ того, почему императрица почиваетъ и не больна ли она, принцъ получилъ отвѣтъ, что ея величество здорова, но вчера до глубокой ночи занималась съ А. С. Вырубовой государственными дѣлами. Заинтересовавшись, что именно сейчасъ безпокоитъ императрицу, старикъ-принцъ узналъ, что Александра Федоровна съ фрейлиной Вырубовой отмѣчали добрую половину ночи плюсами и минусами по адресъ-календарю чиновъ Петроградскаго бюрократическаго міра, раздѣляя ихъ на своихъ сторонниковъ и на противниковъ.

Честный и благородный принцъ долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія и горечи, удостовѣрившись, что сообщенное ему было неоспоримымъ фактомъ.

* * *

Что ждетъ насъ завтра? Вотъ вопросъ, который въ правѣ поднять всякій, мало-мальски вдумывающійся въ причины той политической абракадабры, которая царитъ сейчасъ въ Россіи. Я лично впереди просвѣта не вижу никакого, ибо воля государя скована, а при этомъ условіи не можетъ быть никакой устойчивости въ политическомъ курсѣ, и это ярко и выпукло понялъ я изъ одного факта, сравнительно мелкаго, но въ высшей степени характернаго.

* * *

3-го ноября, во время доклада моего государю въ Могилевѣ о всемъ томъ, чего я свидѣтелемъ былъ на Румынскомъ фронтѣ, въ районѣ Рени, Браилова, Галаца, характеризуя обстановку, я остановился на дѣятельности адмирала М. М. Веселкина, въ теченіе почти двухъ лѣтъ войны занимавшаго крупный военно-административный постъ въ этомъ районѣ, ставшаго большимъ знатокомъ создавшейся здѣсь у насъ военной обстановки и проявившаго недюжинный административный талантъ и кипучую энергію

по снабженію нашихъ войскъ всѣмъ необходимымъ, что было крайне цѣнно, такъ какъ румыны, вступивъ съ нами въ союзъ, передъ самымъ объявленіемъ войны центральнымъ державамъ, рѣшивъ, что мы ихъ снабдимъ нужнымъ, продали съ большимъ для себя барышемъ рѣшительно все, что имѣли какъ въ смыслѣ продовольствія, такъ и въ смыслѣ военнаго снаряженія... Австріи, разсчитывая, что отъ насъ получатъ необходимое; въ результатѣ этой ихъ финансовой операціи у нихъ въ Румыніи стало хоть шаромъ покати, и русскія арміи оказались въ безвыходномъ положеніи, которое усугублялось вспыхнувшей, вдоль устья Дуная, холерой и ужасающимъ состояніемъ одноколейнаго, поляковской постройки, желѣзнодорожнаго пути по русской территоріи, совершенно неприспособленнаго къ выполненію задачъ военнаго времени и не удовлетворявшаго самымъ минимальнымъ запросамъ продовольственнаго, военнаго, санитарнаго и перевозочнаго характера нашихъ армій, которыя нуждались, живя въ полуодѣтомъ, полуобутомъ и полуголодномъ состояніи.

Веселкинъ работалъ здѣсь, не покладая рукъ и днемъ и ночью, вникая рѣшительно во все, чуждый буквоѣдства, формализма и канцелярщины; и не одинъ десятокъ тысячъ русскихъ солдатъ, пріѣзжавшихъ сюда въ изможденномъ отъ голода видѣ, былъ обязанъ ему духовной и физической поддержкой

Невѣроятный ругатель и сквернословъ, какъ большинство русскихъ моряковъ, но человѣкъ безконечно доброй души и отзывчивый, Веселкинъ принималъ героическія мѣры къ снабженію нашихъ армій всѣмъ необходимымъ, а необходима была даже телефонная проволока для связи нашихъ штабовъ, ибо подлецы-румыны даже всю свою проволоку запродали наканунѣ вступленія съ нами въ союзъ своимъ будущимъ противникамъ.

Веселкинъ говорилъ мнѣ въ бытность мою въ Рени, что собирается въ Могилевъ къ государю съ цѣлью доложить ему о безобразіяхъ всего здѣсь происходящаго, вслѣдствіе отсутствія нуж-

ныхъ мостовъ черезъ Дунай и неприспособленности желѣзнодорожнаго пути, каковой можетъ быть приведенъ въ должный видъ въ кратчайшій срокъ, если наши тыловые инженерные юпитеры за это горячо примутся.

«Безъ этихъ мѣръ», добавилъ мнѣ Веселкинъ, «намъ на этомъ фронтѣ успѣха не добиться никогда».

Государь императоръ, бывшій въ Рени задолго до моего пребыванія здѣсь и видѣвшій работу Веселкина, котораго очень любилъ, оцѣнилъ ее, что видно изъ словъ его частной телеграммы императрицѣ, о каковой телеграммѣ мнѣ передавали въ Рени мѣстныя почтово-телеграфныя власти.

***

Государь телеграфировалъ Александрѣ Федоровнѣ такъ: «Видѣлъ Мишу Веселкина, онъ оказываетъ неоцѣнимыя услуги мѣстному краю» и т. д. и т. д. Большая телеграмма государя царицѣ, посланная изъ Рени, была частнаго характера и была подписана Ники или Никсъ.

И вотъ въ день доклада моего государю 3-го ноября, когда я описывалъ обстановку этого фронта и коснулся благотворной дѣятельности Веселкина, государь до нельзя оживился, былъ чрезвычайно доволенъ моею его характеристикой и, перебивая мой докладъ, сказалъ:

«Да, да, я давно знаю Веселкина, это прекрасный, дѣльный администраторъ, на своемъ мѣстѣ, въ особенности при данной боевой обстановкѣ, я очень его цѣню и крайне имъ дорожу. Мнѣ пріятенъ вашъ отзывъ о немъ».

Это было 3-го ноября въ Могилевѣ, а 7-го того же ноября произошло слѣдующее въ Петроградѣ: въ 11 час. утра я входилъ въ Государственную Думу, направляясь въ бюджетную комиссію, гдѣ происходило засѣданіе.

На пути, въ Екатерининскомъ залѣ, навстрѣчу мнѣ идетъ морской министръ И. К. Григоровичъ; мы здороваемся, и съ первыхъ же словъ послѣдній спрашиваетъ:

«В. М., вы давно съ фронта и откуда?»

Едва я успѣлъ открыть ротъ и сказать «сегодня, съ Румынскаго», какъ Григоровичъ, перебивая меня, хватаетъ сочувственно за плечо и съ горечью восклицаетъ:

«Да? а бѣдный-то нашъ М. М. Веселкинъ?».

***

«Что такое?» спрашиваю.

«Уволенъ», уныло говоритъ мнѣ Григоровичъ.

«Не можетъ быть! Зачѣмъ же вы это сдѣлали? восклицаю я, когда онъ тамъ такъ полезенъ, такъ необходимъ, и государь, знающій о его работѣ, самаго лестнаго о немъ мнѣнія».

Григоровичъ горько усмѣхнулся.

Въ томъ-то и дѣло, что уволилъ его не я, и что морское министерство узнало объ этомъ послѣднимъ, а уволенъ онъ прямо со ставки вчера невѣдомо по какимъ проискамъ и за что и на мѣсто его уже назначенъ адмиралъ Ненюковъ».

«Послушайте, говорю, Иванъ Константиновичъ, вы мнѣ разсказываете что-то, поистинѣ, несуразное: вѣдь государь еще 3-го ноября мнѣ его хвалилъ».

«Да, замѣтилъ съ удареніемъ Григоровичъ, но вѣдь это было 3-го, а сегодня у насъ 7-ое, и вы знаете лучше, чѣмъ кто-либо другой, что у насъ въ Россіи сейчасъ оцѣнка личности, въ особенности стоящей на административномъ посту, совершается не по дѣятельности администратора, а происходитъ въ зависимости отъ настроеній въ «сферахъ»».

Я вздохнулъ, пожалъ плечами, и мы разстались.

Можно ли надѣяться на какой-либо «курсъ» въ Россіи, при наличности явленій подобныхъ этому?

***

10 декабря.

Слыхалъ сегодня, что главноуполномоченный Краснаго Креста при ставкѣ государя Кауфманъ-Туркестанскій уволенъ со сво-

его мѣста. Увольненіе произошло, говорятъ, на почвѣ Распутинскихъ интригъ, ибо императрица Александра Федоровна крайне возмутилась тѣмъ, что Кауфманъ не только сочувственно отозвался государю о моей рѣчи 19 ноября, но и привезъ стенограмму ея для прочтенія его величеству.

11 декабря.

Сегодня заѣзжалъ въ Думу съ цѣлью просить членовъ Думы осмотрѣть мой санитарный поѣздъ предъ отправленіемъ его на Румынскій фронтъ. Меня неоднократно просили многіе изъ сотоварищей, наслышавшись, какъ они говорили, хорошаго о моихъ отрядахъ на фронтѣ, ознакомить ихъ съ постановкой у меня дѣла.

Я пригласилъ членовъ Думы пожаловать на Варшавскій вокзалъ въ 9 час. утра 17 декабря, когда я вечеромъ собираюсь выѣхать на фронтъ.

Выбралъ я этотъ день нарочно, ибо, если въ ночь на 17 удастся благополучно покончить съ Распутинымъ, то не можетъ быть ничего лучшаго, какъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, показывать мой поѣздъ большому числу людей, интересующихся дѣломъ, и имѣть возможность отвлечь свои мысли отъ кошмара пережитой ночи.

Вопросъ лишь въ томъ, выдержатъ ли мои нервы и смогу ли я поспать хоть нѣсколько часовъ въ тѣ часы ночи, которые останутся мнѣ для сна, послѣ кончины Распутина и передъ посѣщеніемъ поѣзда членами Думы?

А поѣздъ мой посмотрѣть стоитъ: я съ гордостью и удовлетвореніемъ смотрю на результатъ моихъ хлопотъ по его снабженію, и мнѣ сладко думать, что все это я раздамъ тамъ, на позиціяхъ, на чужбинѣ, роднымъ героямъ: солдату и офицеру, стоящимъ на стражѣ русской чести и проводящимъ безсмѣнно третій годъ войны бокъ о бокъ въ тѣсномъ братскомъ единеніи другъ съ другомъ, неся равныя лишенія и живя въ одинаковыхъ условіяхъ въ суровыхъ окопахъ.

***

12 декабря.

Сегодня былъ на засѣданіи Совѣта Главнаго Управленія Краснаго Креста. Вотъ учрежденіе, поражающее косностью; толковыхъ всего лишь два или три человѣка и среди нихъ Ординъ и человѣчекъ себѣ на умѣ Чаманскій, вертящій тамъ всѣмъ и играющій первую скрипку, конечно, не безъ большой выгоды для себя.

Славный предсѣдатель Ильинъ спеленатъ, какъ младенецъ, и на положеніи не то Бонзы, не то Далай-Ламы, остальные частью статисты, на роляхъ свадебныхъ генераловъ, а частью просто превосходительная шантрапа, привыкшая считать за дѣло только бумагу подъ номеромъ и чуждая всякой отзывчивости живому и великому дѣлу милосердія.

Чего стоитъ одна лишь фигура барона А. Ѳ. Майндорфа, съ котораго песокъ сыпется уже, повидимому, лѣтъ 20, и который, тѣмъ не менѣе, въ совѣтѣ Креста все еще на положеніи активнаго дѣятеля.

Просидѣлъ я съ полчаса, прослушалъ безконечные дебаты о томъ, дать ли или не дать пособіе въ 40 руб. сестрамъ X, У, Z. Меня стошнило отъ этой дѣловитости, и я уѣхалъ.

***

13 декабря.

Сегодня утромъ звонокъ въ телефонъ: «Ваня пріѣхалъ», значитъ, мы собираемся.

Въ 10 час. я былъ у Юсупова, куда пріѣхалъ съ д-ромъ Лазавертомъ.

Дмитрій Павловичъ и поручикъ С. были уже тамъ.

Юсуповъ доложилъ намъ, что Распутинъ согласился пріѣхать къ нему 16-го вечеромъ, и что все идетъ въ этомъ отношеніи превосходно.

Мы вновь повторили другъ другу выработанный нами планъ дѣйствія, рѣшивъ, по смерти Распутина, бросить трупъ его въ

Старую Невку, гдѣ мѣсто уединеннѣе въ ночные часы, чѣмъ вдоль канала, идущаго отъ Фонтанки къ Царскосельскому вокзалу.

Въ добавленіе къ раньше нами намѣченному, мы рѣшили поставить большой грамофонъ въ тамбурѣ, ведущемъ изъ гостиной князя, находящейся на верху къ его столовой, куда по пріѣздѣ, прямо долженъ пройти Распутинъ, помѣщающейся, какъ я уже сказалъ, въ полуподвальномъ этажѣ дворца.

***

Грамофонъ будетъ поставленъ у витой лѣстницы рупоромъ къ ней, и въ моментъ прибытія Распутина во дворецъ грамофонъ будетъ заведенъ, ибо, хотя грамофонъ и слабое и пріѣвшееся развлеченіе, но, тѣмъ не менѣе, развлеченіе; игрой его будутъ достигнуты двѣ цѣли: во-первыхъ, Распутинъ можетъ подумать, что собравшееся на верху дамское общество слушаетъ музыку, и вслѣдствіе этого молодая графиня, знакомства съ коей онъ такъ жаждетъ, не можетъ къ нему тотчасъ же сойти, а во-вторыхъ, игра грамофона могла бы заглушить наши голоса, если бы мы прослушали стукъ подъѣзжающаго автомобиля и продолжали бы громко бесѣдовать между собою на верху.

Закусивъ и выпивъ чаю, въ 11 час. мы разъѣхались по домамъ, при чемъ Юсуповъ, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, вынулъ изъ письменнаго стола средней величины двухфунтовую каучуковую гирю, подобную тѣмъ, коими дѣлаютъ ручную комнатную гимнастику.

«Какъ вамъ это нравится?» спросилъ онъ меня.

«А для чего вамъ это?»

«Такъ, замѣтилъ онъ, многозначительно, на всякій случай. Этотъ подарочекъ я получилъ отъ В. А. Маклакова; мало ли что не случится!»

«Н-нда» — протянулъ я.

Мы распрощались, и я уѣхалъ.

***

14 декабря.

Сегодня, въ виду предстоящаго отъѣзда на фронтъ, я перевезъ мою семью въ поѣздъ, ибо на время рождественскихъ каникулъ сыновей моихъ беру санитарами, а жену мою, прошедшую уже курсы сестеръ милосердія и все прошлое лѣто состоявшею старшею сестрою на одномъ изъ головныхъ пунктовъ моего отряда, беру работать въ качествѣ сестры милосердія на томъ перевязочно-питательномъ пунктѣ, который я разверну въ Румыніи. Переѣздъ ихъ занялъ у меня сегодня большую половину дня.

Послѣ обѣда я распрощался окончательно съ моею городской квартирой и занялъ обычное купэ въ вагонѣ моего санитарнаго поѣзда.

***

15 декабря.

Д-ръ Лазавертъ, купивъ кисть и краску защитнаго цвѣта, весь день сегодня, облачившись въ кожанный фартукъ, провозился надъ автомобилемъ, который будетъ служить намъ завтрашнюю ночь и привезетъ высокаго гостя.

На всѣхъ автомобиляхъ моего отряда большими красными буквами стоитъ написаннымъ мой девизъ: «semper wem». Приходится замазывать надпись, ибо, въ противномъ случаѣ, по этой надписи нити слѣдствія сразу привели бы судебныя власти, при случайно неудачливомъ оборотѣ дѣла къ Юсуповскому дворцу и къ моему поѣзду.

Къ вечеру автомобиль оказался въ порядкѣ. Завтра придется лишь поднять на немъ верхъ и заблаговременно отпустить по квартирамъ въ городъ шоферовъ, подъ предлогомъ дать имъ попрощаться съ семьями предъ отъѣздомъ, назначеннымъ мною на 17 декабря вечеромъ, а въ сущности освободиться отъ ихъ назойливаго любопытства и разспросовъ о томъ, куда ѣдетъ д-ръ Лазавертъ поздно ночью, не желая пользоваться ихъ услугами. И безъ того сегодня, когда онъ возился у автомобиля, поѣздная при-

слуга, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, то и дѣло спрашивала его, зачѣмъ онъ вымарываетъ надпись. Лазавертъ очень удачно отбрехался: «какъ тронемся въ путь, ребята, сказалъ онъ имъ, опять надпишемъ по старому и будетъ такъ, какъ было, а завтра, ночью, ѣду кутить съ... и онъ подмигнулъ, а потомъ кататься на острова, и нельзя, чтобы видѣли автомобиль генерала, т. е. мой, въ такой часъ въ неподходящемъ мѣстѣ». Любопытные этимъ удовлетворились и успокоились.

***

16 декабря.

Сейчасъ 7 час. вечера. Я весь день не выѣзжалъ въ городъ, а сидѣлъ и читалъ у себя въ купэ, ибо распоряжаться уже нечѣмъ — поѣздъ готовъ къ отъѣзду, а видѣть постороннихъ людей мнѣ противно.

Въ 8 ½ часовъ на трамваѣ поѣду на малое засѣданіе Городской Думы, гдѣ просижу, чтобы убить время, до безъ четверти 12 ночи, когда къ думской каланчѣ долженъ подъѣхать Лазавертъ, одѣтый шоферомъ, съ пустымъ автомобилемъ, и отсюда, я сѣвъ въ него, поѣду во дворецъ Юсупова.

Я чувствую величайшее спокойствіе и самообладаніе. На всякій случай беру съ собою стальной кастетъ и револьверъ мой, великолѣпную вещь, системы «Sauvage» кто знаетъ, можетъ быть придется дѣйствовать либо тѣмъ, либо другимъ.

Не знаю почему, но у меня весь день сегодня вертится въ головѣ стихъ оды Горація.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi.

Finem di dederint Leukonoe! *)

Да! Но только тамъ дѣло шло совсѣмъ о другомъ, а наша Левконоя нѣсколько иного сорта..., да! scire nefas! А впрочемъ, ждать не за горами...

---

*) Не спрашивай, не выпытывай, Левконоя, намъ знать не дано, какой конецъ уготовили тебѣ и мнѣ боги!

*
* *

18 декабря.

Глубокая ночь. Вокругъ меня полная тишина. Плавно качаясь, уносится въ даль мой поѣздъ. Я ѣду опять на новую работу, въ безконечно дорогой мнѣ боевой обстановкѣ, на далекой чужбинѣ, въ Румыніи.

Я не могу заснуть; впечатлѣнія и событія послѣднихъ 48 часовъ вихремъ проносятся вновь въ моей головѣ, и кошмарная, на всю жизнь незабываемая ночь 16 декабря встаетъ ярко и выпукло предъ моимъ духовнымъ взоромъ.

Распутина уже нѣтъ. Онъ убитъ. Судьбѣ угодно было, чтобы *я*, а никто иной избавилъ отъ него царя и Россію, чтобы онъ палъ отъ моей руки. Слава Богу, говорю я, слава Богу, что рука великаго князя Дмитрія Павловича не обагрена этой грязной кровью — онъ былъ лишь зрителемъ и только.

Чистый, молодой, благородный, царственный юноша, столь близко стоящій къ престолу, не можетъ и не долженъ быть повиннымъ, хотя бы и въ высоко-патріотическомъ дѣлѣ, но въ дѣлѣ, связанномъ съ пролитіемъ чьей бы то ни было крови, пусть эта кровь будетъ и кровью Распутина.

Какъ ни тяжело, но нужно постараться привести въ порядокъ мои мысли и занести въ дневникъ съ фотографической точностью весь ходъ происшедшей драмы, имѣющей столь большое историческое значеніе.

Какъ ни тяжело, но постараюсь воскресить событія и занести ихъ на бумагу.

*
* *

Въ половинѣ десятаго вечера 16 декабря я покинулъ мой поѣздъ на Варшавскомъ вокзалѣ и на трамваѣ отправился въ городскую думу.

Подъѣзжаю и вижу, что залъ не освѣщенъ; швейцаръ сообщаетъ мнѣ, что засѣданіе не состоялось за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ, а прибывшіе, подождавъ, разошлись.

Братецъ, говорю, мнѣ некуда дѣваться, открой мнѣ кабинетъ товарища головы, дай бумаги, я напишу здѣсь нѣсколько писемъ, пока пріѣдетъ за мною мой автомобиль. Швейцаръ исполнилъ мою просьбу, и я около часу времени провелъ въ писаніи писемъ нѣкоторымъ друзьямъ.

Безъ четверти 11-ть, т. е. ровно за часъ до того времени, какъ я назначилъ Лазаверту заѣхать за мной въ Думу, я запечаталъ послѣднее письмо и остался въ нерѣшительности того, что мнѣ дѣлать, одѣться и выйти на улицу съ тѣмъ, чтобы тамъ ждать автомобиль, было неудобно и могло вызвать какія-либо подозрѣнія, ибо я былъ въ военной формѣ, и могло показаться страннымъ, что въ двѣнадцатомъ часу ночи стоитъ безъ всякаго дѣла на панели въ военной формѣ озирающаяся фигура.

* * *

Я рѣшился оставшееся время провести у телефона и, вызвавъ пріятельницу мою, артистку Н, проболталъ съ нею до начала двѣнадцатаго.

Дальнѣйшее пребываніе въ Думѣ было, однако, неудобнымъ и я, одѣвшись, когда часы на думской каланчѣ пробили четверть двѣнадцатаго, вышелъ на панель, опустилъ письма въ почтовый ящикъ и сталъ гулять по думскому переулку.

* * *

Погода была мягкая, морозъ не превышалъ двухъ-трехъ градусовъ, и порошилъ рѣдкій мокроватый снѣгъ.

Каждая минута мнѣ представлялась вѣчностью, и мнѣ казалось, что каждый, проходившій мимо меня, подозрительно меня оглядываетъ и за мною слѣдитъ.

Часы пробили половина двѣнадцатаго, пробили три четверти двѣнадцатаго, я положительно не находилъ себѣ мѣста; наконецъ, безъ десяти минутъ двѣнадцать я увидѣлъ вдали, со стороны Садовой, яркіе огни моего автомобиля, услыхалъ характерный звукъ его машины, и черезъ нѣсколько секундъ, сдѣлавъ кругъ, д-ръ Лазавертъ остановился у панели.

«Ты опять опоздалъ!» крикнулъ я ему.

«Виноватъ», отвѣтилъ онъ искательнымъ голосомъ, «заправлялъ шину, лопнула по дорогѣ».

Я сѣлъ въ автомобиль рядомъ съ нимъ и, повернувъ къ Казанскому собору, мы поѣхали по Мойкѣ.

Автомобиля моего рѣшительно нельзя было узнать съ поднятымъ верхомъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, встрѣчавшихся намъ по пути.

***

Согласно выработанному нами плану, мы должны были подъѣхать не къ главному подъѣзду Юсуповскаго дворца, а къ тому малому, къ которому Юсуповъ намѣревался подвезти и Распутина, для чего требовалось предварительно въѣхать во дворъ, отдѣлявшійся отъ улицы желѣзной рѣшеткой, съ двумя парами такихъ же желѣзныхъ воротъ, которыя, по уговору, должны были быть къ этому часу открытыми.

Подъѣзжая ко дворцу, однако, видимъ, что обѣ пары воротъ закрыты; полагая, что еще рано, мы, не уменьшая хода автомобиля, проѣхали мимо дворца и тамъ, замедливъ ходъ, сдѣлали кругъ черезъ площадь Маріинскаго театра и вновь вернулись на Мойку по Прачешному переулку. Ворота оказались опять закрытыми.

Я былъ внѣ себя.

«Давай къ главному подъѣзду!» крикнулъ я Лазаверту. Пройду черезъ парадное, и когда откроютъ желѣзныя ворота, въѣдешь и станешь съ автомобилемъ вонъ у этого малаго входа.

Я позвонилъ. Двери открылъ мнѣ солдатъ, и я, не сбрасывая шубы, оглянувшись, есть ли еще кто-либо въ подъѣздѣ (на скамейкѣ сидѣлъ еще одинъ человѣкъ въ солдатской формѣ, и больше не было никого), повернулъ въ дверь налѣво и прошелъ въ помѣщеніе, занимаемое молодымъ Юсуповымъ.

Вхожу и вижу: въ кабинетѣ сидятъ всѣ трое.

«А!!» воскликнули они разомъ vous voilà «А мы васъ уже пять минутъ какъ ждемъ, уже начало перваго».

«Могли бы прождать и дольше», говорю, «если-бъ я не догадался пройти черезъ главный подъѣздъ. Вѣдь ваши желѣзныя ворота къ маленькой двери — обратился я къ Юсупову — и по сію минуту не открыты».

«Не можетъ быть» воскликнулъ онъ, «я сію же минуту распоряжусь», и съ этими словами онъ вышелъ.

Я раздѣлся. Черезъ нѣсколько минутъ въ шоферскомъ костюмѣ по лѣстницѣ со двора вошелъ д-ръ Лазавертъ и Юсуповъ.

Автомобиль былъ поставленъ на условленное мѣсто, у маленькой двери во дворѣ, послѣ чего мы впятеромъ прошли изъ гостиной черезъ небольшой тамбуръ по витой лѣстницѣ внизъ въ столовую, гдѣ и усѣлись вокругъ большого обильно уснащеннаго пирожными и всякою снѣдью чайнаго стола.

***

Комната эта была совершенно неузнаваема; я видѣлъ ее при отдѣлкѣ и изумился умѣнію въ такой короткій срокъ сдѣлать изъ погреба нѣчто въ родѣ изящной бомбоньерки.

Вся она была раздѣлена на двѣ половины, изъ коихъ одна ближе къ камину, въ которомъ ярко и уютно пылалъ огонь, представляла собою миніатюрную столовую, а другая, задняя, нѣчто среднее между гостинной и будуаромъ, съ мягкими креслами, съ глубокимъ изящнымъ диваномъ, передъ коимъ на полу лежала громадная, исключительной бѣлизны, шкура-коверъ бѣлаго медвѣдя. У стѣнки подъ окнами въ полумракѣ былъ помѣщенъ небольшой столикъ, гдѣ на подносѣ стояло четыре закупоренныхъ бутылки съ марсалой, мадерой, хересомъ и портвейномъ, а за этими бутылками виднѣлось нѣсколько темноватаго стекла рюмокъ. На каминѣ, среди ряда художественныхъ старинныхъ вещей, было помѣщено изумительной работы распятіе, кажется мнѣ, выточенное изъ слоновой кости.

Помѣщеніе было сводчатымъ, въ стилѣ старинныхъ, расписныхъ русскихъ палатъ.

Мы усѣлись за круглымъ чайнымъ столомъ, и Юсуповъ пред-

ложилъ намъ выпить по стакану чая и отвѣдать пирожныхъ до тѣхъ поръ, пока мы не дадимъ имъ нужной начинки.

***

Четверть часа, въ продолженіе коихъ мы сидѣли за столомъ, показались мнѣ цѣлою вѣчностью, между тѣмъ особенно спѣшить было не къ чему, такъ какъ Распутинъ предупредилъ еще раньше Юсупова, что шпики всѣхъ категорій покидаютъ его квартиру послѣ 12-ти ночи, и, слѣдовательно, толкнись Юсуповъ къ Распутину до половины перваго, онъ какъ разъ могъ напороться на церберовъ, охранявшихъ «старца».

Закончивъ чаепитіе, мы постарались придать столу такой видъ, какъ будто его только что покинуло большое общество, вспугнутое отъ стола, прибытіемъ нежданнаго гостя.

Въ чашки мы поналивали немного чаю, на тарелочкахъ оставили кусочки пирожнаго и кэкса и набросали немного крошекъ около помятыхъ нѣсколько чайныхъ салфетокъ; все это необходимо было, дабы, войдя, Распутинъ почувствовалъ, что онъ напугалъ дамское общество, которое поднялось сразу изъ столовой въ гостиную наверхъ.

***

Приведя столъ въ должный видъ, мы принялись за два блюда съ пти-фурами. Юсуповъ передалъ д-ру Лазаверту нѣсколько камешковъ съ ціанистымъ каліемъ, и послѣдній, надѣвъ раздобытыя Юсуповымъ перчатки, сталъ строгать ножемъ ядъ въ тарелку, послѣ чего, выбравъ всѣ пирожныя съ розовымъ кремомъ (а онѣ были лишь двухъ сортовъ: съ розовымъ и шоколаднымъ кремомъ и отдѣливъ ихъ верхнюю половину, густо насыпалъ въ каждое яду, послѣ чего, наложивъ на нихъ снятыя верхушки, придалъ имъ должный видъ. По изготовленіи розовыхъ пирожныхъ, мы перемѣшали ихъ на тарелкахъ съ коричневыми, шоколадными, разрѣзали два розовыхъ на части и придавъ имъ откусанный видъ, положили къ нѣкоторымъ приборамъ.

За симъ Лазавертъ бросилъ перчатки въ каминъ, мы встали

изъ-за стола и, придавъ нѣкоторый безпорядокъ еще и стульямъ, рѣшили подняться уже на верхъ. Но, помню какъ сейчасъ, въ эту минуту сильно задымилъ каминъ, въ комнатѣ стало сразу угарно и пришлось провозиться по крайней мѣрѣ еще десять минутъ съ очисткой въ ней воздуха. Наконецъ все оказалось въ порядкѣ.

Мы поднялись въ гостинную. Юсуповъ вынулъ изъ письменнаго стола и передалъ Дмитрію Павловичу и мнѣ по склянкѣ съ ціанистымъ каліемъ въ растворенномъ видѣ, каковымъ мы должны были наполнить до половины двѣ изъ четырехъ рюмокъ, стоявшихъ внизу въ столовой за бутылками черезъ двадцать минутъ послѣ отъѣзда Юсупова за Распутинымъ.

***

Лазавертъ облачился въ свой шоферскій костюмъ. Юсуповъ надѣлъ штатскую шубу, поднялъ воротникъ и, попрощавшись съ нами, вышелъ.

Шумъ автомобиля далъ намъ знать, что они уѣхали, и мы молча принялись расхаживать по гостиной и тамбуру у лѣстницы внизъ.

Было тридцать пять минутъ перваго. Поручикъ С. пошелъ провѣрить, въ порядкѣ ли грамофонъ и наложена ли пластинка; все было на мѣстѣ.

Я вынулъ изъ кармана отдавливавшій его мой тяжелый «соважъ» и положилъ его на столъ Юсупова.

Время шло мучительно долго. Говорить не хотѣлось. Мы изрѣдка лишь перебрасывались отдѣльными словами и, посовѣтовавшись о томъ, можно ли курить и не дойдетъ ли дымъ сигары или папиросы внизъ (Распутинъ не хотѣлъ, чтобы сегодня, въ день его посѣщенія, у князя Юсупова были гости-мужчины), стали усиленно затягиваться я сигарой, а С. и Дмитрій Павловичъ папиросами.

***

Безъ четверти часъ великій князь и я, спустившись въ столовую, налили ціанистый калій, какъ было условлено, въ двѣ рюм-

ки, при чемъ Дмитрій Павловичъ выразилъ опасеніе, какъ бы Феликсъ Юсуповъ, угощая Распутина пирожными, не съѣлъ бы второпяхъ розоваго и, наливая вино въ рюмки, не взялъ бы по ошибкѣ рюмки съ ядомъ.

«Этого не случится, — замѣтилъ я увѣренно великому князю, — Юсуповъ отличается, какъ я вижу, громаднымъ самообладаніемъ и хладнокровіемъ».

Исполнивъ свое дѣло, мы вновь поднялись на верхъ, чутко прислушиваясь къ малѣйшимъ звукамъ, доходившимъ съ улицы.

«Ѣдутъ!», полушепотомъ заявилъ я вдругъ, отходя отъ окна.

Поручикъ С. кинулся къ грамофону, и черезъ нѣсколько секундъ раздался звукъ американскаго марша «яньки-дудль», который и посейчасъ, по временамъ, преслѣдуетъ меня.

***

Еще мгновеніе — слышимъ сухой стукъ автомобиля уже во дворѣ, хлопающуюся дверцу автомобиля, топотъ, встряхивающихъ снѣгъ ногъ внизу и голосъ Распутина: «куда милой?».

Засимъ дверь отъ столовой закрылась за обоими пріѣхавшими, и черезъ нѣсколько минутъ снизу по лѣстницѣ поднялся къ намъ д-ръ Лазавертъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, снявшій и оставившій внизу шоферскія доху, папаху и перчатки.

Затаивъ дыханіе, мы прошли въ тамбуръ и стали у перилъ лѣстницы, ведущей внизъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: первымъ къ лѣстницѣ я, съ кастетомъ въ рукахъ, за мною великій князь, за нимъ поручикъ С., послѣднимъ д-ръ Лазавертъ. Мнѣ трудно опредѣлить, сколько времени въ напряженнѣйшемъ ожиданіи провели мы, въ застывшихъ позахъ у лѣстницы, стараясь не дышать, не двигаться и вслушиваясь буквально въ каждый шорохъ, происходившій внизу, откуда доносились къ намъ голоса разговаривавшихъ то порою въ видѣ односложныхъ звуковъ, то въ связной рѣчи, но разслышать того, что говорилось, мы не могли; полагаю, что мы простояли у лѣстницы не менѣе получаса, безконечно заводя грамофонъ, который продолжалъ играть все тотъ же «янки-дудль».

***

Того, чего мы ожидали, не произошло, а ожидали мы хлопанья пробокъ и откупориванія Юсуповымъ бутылокъ, стоявшихъ, какъ я уже сказалъ внизу. Это должно было стать показателемъ, что дѣло идетъ на ладъ, и что черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого Распутинъ окажется трупомъ. Но... время шло, мирная бесѣда внизу продолжалась, а собесѣдники, очевидно, не пили и не ѣли еще ничего.

Наконецъ, слышимъ дверь снизу открывается. Мы на цыпочкахъ безшумно кинулись обратно въ кабинетъ Юсупова, куда черезъ минуту вошелъ и онъ.

«Представьте себѣ, господа, — говоритъ, — ничего не выходитъ, это животное не пьетъ и не ѣстъ, какъ я ни предлагаю ему обогрѣться и не отказываться отъ моего гостепріимства».

Что дѣлать?

Дмитрій Павловичъ пожалъ плечами: «погодите, Феликсъ: возвращайтесь обратно, попробуйте еще разъ и не оставляйте его одного, не ровенъ часъ, онъ поднимется за вами сюда и увидитъ картину, которую менѣе всего ожидаетъ, тогда придется его отпустить съ миромъ, или покончить шумно, что чревато послѣдствіями».

«А какъ его настроеніе?» спрашиваю я у Юсупова.

«Н-не важное», протягивая, отвѣчаетъ послѣдній: «можете себѣ представить, онъ какъ будто что-то предчувствуетъ».

«Ну, идите, идите, Феликсъ!» — заторопилъ Юсупова великій князь. «Время уходитъ».

Юсуповъ опять спустился внизъ, а мы вновь заняли въ томъ же порядкѣ свои мѣста у лѣстницы.

***

Прошло еще добрыхъ полчаса до нельзя мучительно уходившаго для насъ времени, когда, наконецъ, намъ ясно послышалось хлопанье одной за другой двухъ пробокъ, звонъ рюмокъ, послѣ чего говорившіе до этого внизу собесѣдники вдругъ замолкли.

«Пьютъ», — прошепталъ мнѣ надъ самымъ ухомъ Дмитрій Павловичъ, — «ну, теперь уже ждать не долго!»

Мы застыли въ своихъ позахъ, спустившись еще на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ внизъ. Но... прошло еще четверть часа, а мирный разговоръ и даже порою смѣхъ внизу не прекращались.

«Ничего не понимаю», разведя руками и обернувшись къ великому князю, прошепталъ я ему. «Что онъ заколдованъ что ли, что на него даже ціанистый калій не дѣйствуетъ!»

Дмитрій Павловичъ пожалъ плечами.

«Погодите, слышите, вотъ, кажется, уже внизу что-то неладно!»

И дѣйствительно, какъ будто послышался оттуда стонъ. Но это оказалось аберраціей слуха, и черезъ минуту снизу опять послышалось мирное журчаніе рѣчи одного изъ собесѣдниковъ и односложныя слова, повидимому, со стороны другого.

***

Мы поднялись по лѣстницѣ вверхъ и всею группою вновь прошли въ кабинетъ, куда черезъ двѣ или три минуты неслышно вошелъ опять Юсуповъ, разстроенный и блѣдный:

«Нѣтъ, говоритъ, невозможно! Представьте себѣ, онъ выпилъ двѣ рюмки съ ядомъ, съѣлъ нѣсколько розовыхъ пирожныхъ и, какъ видите, ничего; рѣшительно ничего, а прошло уже послѣ этого минутъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать! Ума не приложу, какъ намъ быть, тѣмъ болѣе, что онъ уже забезпокоился, почему графиня не выходитъ къ нему такъ долго, и я съ трудомъ ему объяснилъ, что ей трудно исчезнуть незамѣтно, ибо тамъ на верху гостей не много, но что, по всѣмъ вѣроятіямъ, минутъ черезъ десять она уже сойдетъ; онъ сидитъ теперь на диванѣ мрачнымъ и какъ я вижу: дѣйствіе яда сказывается на немъ лишь въ томъ, что у него безпрестанная отрыжка и нѣкоторое слюнотеченіе.

«Господа, что вы посовѣтуете мнѣ?» закончилъ Юсуповъ.

«Возвращайтесь обратно», замѣтили мы ему, «ядъ долженъ, наконецъ, сдѣлать свое дѣло, а если тѣмъ не менѣе дѣйствіе его

окажется безрезультатнымъ, поднимайтесь къ намъ по прошествіи пяти минутъ обратно, и мы рѣшимъ, какъ покончить съ нимъ, ибо время уходитъ, теперь глубокая ночь, и утро можетъ насъ застать съ трупомъ Распутина въ вашемъ дворцѣ».

Юсуповъ медленно вышелъ и прошелъ внизъ.

***

Въ это время я обратилъ вниманіе на то, что доктора Лазаверта нѣтъ среди насъ. Еще нѣсколько раньше я замѣтилъ, что этотъ крѣпчайшаго тѣлосложенія человѣкъ чувствуетъ себя отъ волненія положительно дурно: онъ то нервно шагалъ по кабинету, апоплексически краснѣя и въ изнеможеніи опускаясь въ глубокія кресла подъ окномъ, то хватался за голову, обводя насъ всѣхъ блуждающимъ взглядомъ.

«Что съ вами, докторъ?» спросилъ я его.

«Мнѣ дурно!» отвѣтилъ онъ полушепотомъ, у меня чрезвычайно напряжены нервы. Мнѣ кажется, я не выдержу. Я никогда не думалъ, что я такъ малоспособенъ держать себя въ рукахъ. Повѣрите ли, меня сейчасъ можетъ повалить пятилѣтній ребенокъ».

Я крайне удивился, ибо, за все время пребыванія въ моемъ отрядѣ д-ра Лазаверта, неоднократно работавшаго на передовыхъ позиціяхъ не только подъ орудійнымъ, но и подъ пулеметнымъ огнемъ непріятеля, за что онъ былъ награжденъ двумя георгіевскими крестами, онъ проявилъ себя человѣкомъ большой выдержки, самообладанія и несомнѣннаго мужества.

«Да», подумалъ я, «храбрость тамъ одно, а здѣсь совсѣмъ другое».

«Гдѣ Лазавертъ?» спросилъ я поручика С., по уходѣ Юсупова.

«Не знаю», отвѣтилъ послѣдній, «должно быть у автомобиля!»

«Странно», подумалъ я и намѣревался уже спуститься за нимъ, какъ вдругъ увидѣлъ его блѣднымъ, осунувшимся, входящимъ въ дверь кабинета.

***

«Докторъ, что съ вами?» воскликнулъ я.

«Мнѣ стало дурно», прошепталъ онъ», я сошелъ внизъ къ автомобилю и упалъ въ обморокъ, къ счастью ничкомъ, снѣгъ охладилъ мнѣ голову, и, только благодаря этому, я пришелъ въ себя. Мнѣ стыдно, В. М., но я рѣшительно ни къ чему не гожусь».

«Докторъ, докторъ», проходя въ это время мимо насъ и качая головой, промолвилъ Дмитрій Павловичъ, «вотъ не сказалъ бы!»

«Ваше высочество!» разводя руками и какъ бы извиняясь, отвѣтилъ Лазавертъ, «виноватъ не я, а моя комплекція».

Мы оставили Лазаверта въ покоѣ, предоставивъ его самому себѣ, и стали ждать.

***

Черезъ минутъ пять Юсуповъ появился въ кабинетѣ въ третій разъ:

«Господа», заявилъ онъ намъ скороговоркой, «положеніе все тоже: ядъ на него или не дѣйствуетъ, или ни къ чорту не годится; время уходитъ, ждать больше нельзя; рѣшимъ, что дѣлать? Но нужно рѣшать скорѣе, ибо гадъ выражаетъ крайнее нетерпѣніе тому, что графиня не приходитъ, и уже подозрительно относится ко мнѣ».

«Ну что жъ», отвѣтилъ великій князь «бросимъ на сегодня, отпустимъ его съ миромъ, можетъ быть удастся сплавить его какъ-нибудь иначе въ другое время и при другихъ условіяхъ».

«Ни за что!» воскликнулъ я. «Неужели вы не понимаете, ваше высочество, что выпущенный сегодня, онъ ускользаетъ навсегда, ибо развѣ онъ поѣдетъ къ Юсупову завтра, если пойметъ, что сегодня былъ имъ обманутъ. Живымъ Распутинъ отсюда, отчеканивая каждое слово, полушепотомъ продолжалъ я, выйти не можетъ, не долженъ и не выйдетъ».

«Но какъ же быть?» замѣтилъ Дмитрій Павловичъ.

«Если нельзя ядомъ», отвѣтилъ я ему, «нужно пойти ва банкъ,

въ открытую, спуститься намъ или всѣмъ вмѣстѣ, или предоставьте мнѣ это одному, я его уложу либо изъ моего «соважа», либо размозжу ему черепъ кастетомъ. Что вы скажете на это?»

«Да», замѣтилъ Юсуповъ, «если вы ставите вопросъ такъ, то, конечно, придется остановиться на одномъ изъ этихъ двухъ способовъ».

***

Послѣ минутнаго совѣщанія, мы рѣшили спуститься внизъ всѣмъ и предоставить мнѣ уложить его кастетомъ, а Лазаверту, на всякій случай, Юсуповъ въ руки всунулъ свою каучуковую гирю, хотя первый и заявилъ ему, что онъ едва ли будетъ въ состояніи что-либо сдѣлать, ибо такъ слабъ, что еле передвигаетъ ноги.

Принявъ это рѣшеніе, мы гуськомъ (со мною во главѣ), осторожно двинулись къ лѣстницѣ и уже спустились было къ пятой ступенькѣ, когда внезапно Дмитрій Павловичъ, взявъ меня за плечо, прошепталъ мнѣ на ухо: attendez un moment! и, поднявшись вновь назадъ, отвелъ въ сторону Юсупова. Я, С. и Лазавертъ прошли обратно въ кабинетъ, куда немедленно вслѣдъ за нами вернулись Дмитрій Павловичъ и Юсуповъ, который мнѣ сказалъ:

***

«В. М., вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы я его застрѣлилъ, будь что будетъ. Это и скорѣе и проще».

«Пожалуйста», отвѣтилъ я, «вопросъ не въ томъ, кто съ нимъ покончитъ, а въ томъ, чтобы покончить и непремѣнно этою ночью».

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ Юсуповъ быстрымъ рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ своему письменному столу и, доставъ изъ ящика его браунингъ небольшого формата, быстро повернулся и твердыми шагами направился по лѣстницѣ внизъ.

Мы молча кинулись вслѣдъ за нимъ и стали на старыя позиціи, понявъ, что сейчасъ уже ждать придется не долго.

***

Дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ съ момента ухода Юсупова, какъ послѣ двухъ или трехъ отрывочныхъ фразъ, произнесенныхъ разговаривавшими внизу, раздался глухой звукъ выстрѣла, вслѣдъ затѣмъ мы услышали продолжительное... А—а—а! и звукъ грузно падающаго на полъ тѣла.

Не медля ни одной секунды, всѣ мы, стоявшіе на верху, не сошли, а буквально кубаремъ слетѣли по периламъ лѣстницы внизъ, толкнувши стремительно своимъ напоромъ дверь столовой; она открылась, но кто-то изъ насъ зацѣпилъ штепсель, отчего электричество въ комнатѣ сразу потухло.

***

Ощупью, ошаривъ стѣнку у входа, мы зажгли свѣтъ, и намъ представилась слѣдующая картина: передъ диваномъ въ части комнаты, въ гостиной, на шкурѣ бѣлаго медвѣдя лежалъ умирающій Григорій Распутинъ, а надъ нимъ, держа револьверъ въ правой рукѣ, заложенной за спину, совершенно спокойнымъ стоялъ Юсуповъ, съ чувствомъ непередаваемой гадливости вглядываясь въ лицо имъ убитаго «старца».

Крови не было видно; очевидно, было внутреннее кровоизліяніе, и пуля попала Распутину въ грудь, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, не вышла.

Первымъ заговорилъ великій князь, обратившись ко мнѣ:

«Нужно снять его поскорѣе съ ковра, на всякій случай, и положить на каменныя плитцы пола, ибо чего добраго, просочится кровь и замараетъ шкуру, давайте снимемъ его оттуда».

Дмитрій Павловичъ взялъ убитаго за плечи, я поднялъ его за ноги, и мы бережно уложили его на полъ ногами къ уличнымъ окнамъ и головою къ лѣстницѣ, черезъ которую вошли.

На коврѣ не оказалось ни единой капли крови, онъ былъ только немного примятъ, упавшимъ тѣломъ.

***

Молча окружили мы затѣмъ трупъ убитаго, котораго я сейчасъ увидѣлъ въ первый разъ въ жизни и котораго зналъ до этой минуты только по фотографіямъ, изъ коихъ одну большую карточку, гдѣ Распутинъ былъ изображенъ въ кругу своихъ поклонниковъ изъ среды Петроградской придворной аристократіи за чайнымъ столомъ, полученную мною отъ командира 3-го стрѣлк. гвард. полка генерала А. П. Усова, я переснялъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ и съ оскорбительною надписью для его поклонниковъ, коихъ фамиліи подписалъ на карточкахъ, роздалъ въ концѣ ноября членамъ Государственной Думы и разослалъ по редакціямъ всѣхъ Петроградскихъ газетъ.

Сейчасъ я стоялъ надъ этимъ трупомъ, и меня волновали самыя разнообразныя и глубокія чувства: но первымъ изъ нихъ, какъ теперь помню, было чувство глубочайшаго изумленія передъ тѣмъ, какъ могъ такой, на видъ совершенно обыденный и отвратительный типа Силена, или Сатира, мужикъ, вліять на судьбы Россіи и на ходъ жизни великаго народа, страна коего въ сущности представляетъ часть свѣта, а не государство.

***

Чѣмъ околдовалъ ты, негодяй, — думалъ я, — и царя и царицу?

Какъ завладѣлъ ты царемъ до такой степени, что твоя воля, стала его волею; что ты былъ фактическимъ самодержцемъ въ Россіи, обративъ помазанника Божьяго въ послушнаго, безпрекословнаго исполнителя твоей злонамѣренной воли и твоихъ хищническихъ аппетитовъ. И стоя здѣсь надъ этимъ трупомъ, я невольно припомнилъ разсказъ Юсупова о томъ, чѣмъ угощалъ царя, черезъ посредство своего пріятеля тибетскаго лекаря Бадмаева, Распутинъ.

«Зачѣмъ ты, Феликсъ», сказалъ какъ-то разъ Распутинъ Юсупову, «не бываешь у Бадмаева, нужный онъ человѣкъ, полезный человѣкъ, ты иди къ нему, милой, больно хорошо онъ лечитъ травочкой, все только травочкой своею».

Дастъ онъ тебѣ махонькую, ма-хонькую рюмочку настойки изъ травушки своей, и у—! ухъ какъ бабы тебѣ захочется, а есть у него и другая настоечка, и того меньше рюмочку дастъ онъ тебѣ, попьешь ты этой настоечки въ часъ, когда на душѣ у тебя смутно, и сразу тебѣ все пустякомъ покажется, и самъ сдѣлаешься ты такой добренькой, до-бренькой, такой глу-пенькой и будетъ тебѣ все равнымъ равно».

***

Не этой ли настойкою, думалъ я, стоя надъ трупомъ Распутина, угощалъ ты въ послѣднее время постоянно русскаго царя, отдавшаго бразды правленія надъ великой Россіей и надъ своимъ народомъ Змѣю Горинычу, — роковой для Россіи женщинѣ супругѣ своей Александрѣ Федоровнѣ, возомнившей себя второй Екатериною Великой, а тебя, государь, приравнявшею къ Петру III и непостѣснявшейся въ письмѣ своемъ къ великой княгинѣ Викторіи Федоровнѣ написать ей, что бываютъ моменты въ исторіи жизни народовъ, когда при слабоволіи законныхъ ихъ правителей женщины берутся за кормило правленія государствомъ, ведомымъ по уклону мужскою рукою, и что Россія такіе примѣры знаетъ...

***

Я стоялъ надъ Распутинымъ, впившись въ него глазами. Онъ не былъ еще мертвъ: онъ дышалъ, онъ агонизировалъ.

Правой рукою своею, прикрывалъ онъ оба глаза и до половины свой длинный, ноздреватый носъ, лѣвая рука его была вытянута вдоль тѣла; грудь его изрѣдка высоко подымалась, и тѣло подергивали судороги. Онъ былъ шикарно, но по-мужицки одѣтъ: въ прекрасныхъ сапогахъ, въ бархатныхъ на выпускъ брюкахъ, въ шелковой богато расшитой шелками, цвѣта кремъ, рубахѣ, подпоясанной малиновымъ съ кистями толстымъ шелковымъ шнуркомъ.

Длинная черная борода его была тщательно расчесана и какъ будто блестѣла или лоснилась даже отъ какихъ-то спецій.

Не знаю, сколько времени простоялъ я здѣсь; въ концѣ концовъ раздался голосъ Юсупова: «ну-съ, господа, идемте на верхъ, нужно кончать начатое!» Мы вышли изъ столовой, погасивъ въ ней электричество и притворивъ слегка двери.

Въ гостиной, поочередно, поздравивъ Юсупова съ тѣмъ, что на его долю выпала высокая честь освобожденія Россіи отъ Распутина, мы заторопились окончаніемъ нашего дѣла.

***

Былъ уже четвертый часъ ночи и приходилось спѣшить.

Поручикъ С. наскоро облачился поверхъ своей военной шинели въ шикарную мѣховую шубу Распутина, надѣлъ его боты и взялъ въ руки его перчатки; вслѣдъ за нимъ Лазавертъ, уже нѣсколько оправившійся и какъ будто успокоившійся, облачился въ шоферское одѣяніе, и оба они, предводительствуемые великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ, сѣли въ автомобиль и уѣхали на вокзалъ къ моему поѣзду съ тѣмъ, чтобы сжечь одежду Распутина въ моемъ классномъ вагонѣ, гдѣ къ этому часу должна была топиться печь, послѣ чего имъ полагалось на извозчикѣ доѣхать до дворца великаго князя и оттуда на его автомобилѣ пріѣхать за тѣломъ Распутина въ юсуповскій дворецъ.

Мы съ Феликсомъ Юсуповымъ остались вдвоемъ и то не надолго: онъ черезъ тамбуръ прошелъ на половину своихъ родителей, коихъ въ Петроградѣ, какъ кажется, въ это время не было, а я, закуривъ сигару, сталъ медленно прохаживаться у него въ кабинетѣ на верху, въ ожиданіи возвращенія уѣхавшихъ соучастниковъ, съ коими предполагалось вмѣстѣ увязать трупъ въ какую-либо матерію и перетащить въ автомобиль великаго князя.

***

Не могу опредѣлить, долго ли продолжалось мое одиночество, знаю только, что я чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ и даже удовлетвореннымъ, но твердо помню, какъ какая-то внутренняя сила толкнула меня къ письменному столу Юсупова, на ко-

торомъ лежалъ вынутый изъ кармана мой «соважъ», какъ я взялъ его и положилъ обратно въ правый карманъ брюкъ и какъ вслѣдъ за симъ подъ давленіемъ той же невѣдомой мнѣ силы я вышелъ изъ кабинета, дверь отъ коего въ тамбуръ была закрыта, и очутился въ тамбурѣ совершенно безъ всякой цѣли.

Не успѣлъ я войти въ этотъ тамбуръ, какъ мнѣ послышались чьи-то шаги уже внизу у самой лѣстницы, затѣмъ до меня долетѣлъ звукъ открывающейся въ столовую, гдѣ лежалъ Распутинъ, двери, которую вошедшій, повидимому, не прикрылъ.

***

«Кто бы это могъ быть?» подумалъ я, но мысль моя не успѣла еще дать себѣ отвѣта на заданный вопросъ, какъ вдругъ снизу раздался дикій, не человѣческій крикъ, показавшійся мнѣ крикомъ Юсупова: «Пуришкевичъ, стрѣляйте, стрѣляйте, онъ живъ! онъ убѣгаетъ!»

А-а-а!.. и снизу стремглавъ бросился вверхъ по лѣстницѣ кричавшій, оказавшійся Юсуповымъ; на немъ буквально не было лица; прекрасные большіе голубые глаза его еще увеличились и были на выкатѣ; онъ въ полубезсознательномъ состояніи, не видя почти меня, съ обезумѣвшимъ взглядомъ, кинулся къ выходной двери на главный корридоръ и пробѣжалъ на половину своихъ родителей, куда я его видѣлъ уходившимъ, какъ я уже сказалъ, передъ отъѣздомъ на вокзалъ великаго князя и поручика С.

Одну секунду я остался оторопѣвшимъ, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшіеся къ выходной двери во дворъ, т. е. къ тому подъѣзду, отъ котораго недавно отъѣхалъ автомобиль.

Медлить было нельзя ни одно мгновенье, и я, не растерявшись, выхватилъ изъ кармана мой «соважъ», поставилъ его на «feu» и бѣгомъ спустился по лѣстницѣ.

***

То, что я увидѣлъ внизу, могло бы показаться сномъ, если бы не было ужасною для насъ дѣйствительностью: Григорій Распу-

тинъ, котораго я полчаса тому назадъ созерцалъ при послѣднемъ издыханіи, лежащимъ на каменномъ полу столовой, переваливаясь съ боку на бокъ, быстро бѣжалъ по рыхлому снѣгу во дворѣ дворца вдоль желѣзной рѣшетки, выходившей на улицу въ томъ костюмѣ, въ которомъ я видѣлъ его сейчасъ почти бездыханнымъ.

***

Первое мгновенье я не могъ повѣрить своимъ глазамъ; но громкій крикъ его въ ночной тишинѣ на бѣгу «Феликсъ, Феликсъ, все скажу царицѣ»... убѣдилъ меня, что это онъ, что это Григорій Распутинъ, что онъ можетъ уйти, благодаря своей феноменальной живучести, что еще нѣсколько мгновеній, и онъ очутится за вторыми желѣзными воротами на улицѣ, гдѣ, не называя себя, обратится къ первому случайно встрѣтившемуся прохожему съ просьбой спасти его, такъ какъ на его жизнь покушаются въ этомъ дворцѣ, и... все пропало. Естественно, что ему помогутъ, не зная, кого спасаютъ, онъ очутится дома на Гороховой, и мы раскрыты.

***

Я бросился за нимъ въ догонку и выстрѣлилъ.

Въ ночной тиши чрезвычайно громкій звукъ моего револьвера пронесся въ воздухѣ — промахъ!

Распутинъ наддалъ ходу; я выстрѣлилъ вторично на бѣгу — и... опять промахнулся.

Не могу передать того чувства бѣшенства, которое я испыталъ противъ самого себя въ эту минуту.

Стрѣлокъ, болѣе чѣмъ приличный, практиковавшійся въ тирѣ на Семеновскомъ плацу безпрестанно и попадавшій въ небольшія мишени, я оказался сегодня не способнымъ уложить человѣка въ 20-ти шагахъ.

***

Мгновенія шли... Распутинъ подбѣгалъ уже къ воротамъ, тогда я остановился, изо всѣхъ силъ укусилъ себя за кисть лѣвой руки, чтобъ заставить себя сосредоточиться, и выстрѣломъ

(въ третій разъ) попалъ ему въ спину. Онъ остановился, тогда я уже тщательнѣе прицѣлившись, стоя на томъ же мѣстѣ, далъ четвертый выстрѣлъ, попавшій ему, какъ кажется въ голову, ибо онъ снопомъ упалъ ничкомъ въ снѣгъ и задергалъ головой. Я подбѣжалъ къ нему и изо всей силы ударилъ его ногою въ високъ. Онъ лежалъ съ далеко вытянутыми впередъ руками, скребя снѣгъ и какъ будто бы желая ползти впередъ на брюхѣ; но продвигаться онъ уже не могъ и только лязгалъ и скрежеталъ зубами.

***

Я былъ увѣренъ, что сейчасъ его пѣсня дѣйствительно спѣта, и что больше ему не встать.

Простоявъ надъ нимъ минуты двѣ и убѣдившись въ томъ, что сторожить его дольше безполезно, я быстрыми шагами направился обратно черезъ ту же маленькую дверь во дворецъ, но помню ясно, что въ промежутокъ моей стрѣльбы по Распутину по панели на улицѣ прошло два человѣка, изъ коихъ второй, услышавъ выстрѣлъ, кинулся въ сторону отъ рѣшетки и побѣжалъ.

«Что дѣлать? что дѣлать?» твердилъ я себѣ вслухъ, пройдя въ гостиную. Я одинъ, Юсуповъ невмѣняемъ; прислуга въ дѣло не посвящена, трупъ лежитъ тамъ у воротъ, каждую минуту можетъ быть замѣченъ случайнымъ прохожимъ, и пойдетъ исторія. Мнѣ самому не втащить его, ибо одна мысль о возможности прикоснуться къ Григорію Распутину вызвала во мнѣ отвращеніе и гадливое чувство, но медлить было нельзя.

«Нѣтъ», рѣшилъ я, «разъ дѣло пошло не такъ, какъ мы разсчитывали съ начала, то и дальше должно пойти своимъ путемъ. Положимъ, выстрѣла Юсупова въ комнатахъ прислуга могла не слышать, но нельзя допустить мысли, чтобы два солдата, сидящіе въ передней у главнаго входа, не могли бы услыхать четырехъ громчайшихъ выстрѣловъ во дворѣ изъ моего «соважа», и я быстрыми шагами направился черезъ тамбуръ къ главному подъѣзду.

***

«Ребята, обратился я къ нимъ — я убилъ»... При этихъ словахъ они какъ-то вплотную придвинулись ко мнѣ, какъ бы желая меня схватить, «...я убилъ — повторилъ я — убилъ Гришку Распутина, врага Россіи и Царя», при послѣднихъ моихъ словахъ, одинъ изъ солдатъ, взволновавшись до послѣдней степени, бросился меня цѣловать, а другой промолвилъ: «Слава Богу, давно слѣдовало!»

***

«Друзья!» заявилъ я, «князь Феликсъ Феликсовичъ и я надѣемся на полное ваше молчаніе. Вы понимаете, что, раскройся дѣло, царица насъ за это не похвалитъ. Сумѣете ли вы молчать?»

«Ваше превосходительство!» съ укоризной обратились ко мнѣ оба, «мы русскіе люди, не извольте сомнѣваться, выдавать не станемъ».

Я обнялъ и поцѣловалъ того и другого и попросилъ ихъ немедленно оттащить трупъ Распутина отъ рѣшетки во дворѣ и втянуть его въ маленькую переднюю, что находилась у лѣстницы передъ входомъ въ столовую.

Распорядившись этимъ и узнавъ, куда прошелъ Юсуповъ, я направился къ нему, чтобъ его успокоить.

Я засталъ его въ ярко освѣщенной уборной, наклонившимся надъ умывальной чашкой, онъ держался руками за голову и безъ конца отплевывался.

«Голубчикъ! что съ вами, успокойтесь, его уже больше нѣтъ! Я съ нимъ покончилъ! Идемъ со мною, милый, къ вамъ въ кабинетъ». Испытывавшій, очевидно, тошноту, Юсуповъ посмотрѣлъ на меня блуждающимъ взглядомъ, но повиновался, и я, обнявъ его за талію, бережно повелъ на его половину.

Онъ шелъ все время повторяя: «Феликсъ, Феликсъ, Феликсъ, Феликсъ...» Очевидно, что-то произошло между нимъ и Распутинымъ въ тѣ короткія мгновенія, когда онъ спустился къ мнимому

мертвецу въ столовую, и это случившееся сильно запечатлѣлось въ его мозгу.

Мы проходили черезъ тамбуръ какъ разъ въ то время, когда солдаты Юсупова втаскивали трупъ въ переднюю, тамъ у лѣстницы, внизу.

***

Юсуповъ, увидѣвъ, надъ кѣмъ они возятся, выскользнулъ отъ меня, бросился въ свой кабинетъ, схватилъ съ письменнаго стола резиновую гирю, данную ему Маклаковымъ, и, повернувшись обратно, бросился внизъ по лѣстницѣ къ трупу Распутина. Онъ, отравлявшій его и видѣвшій, что ядъ не дѣйствуетъ; стрѣлявшій въ него и увидѣвшій, что и пуля его не взяла, — очевидно, не хотѣлъ вѣрить въ то, что Распутинъ уже мертвое тѣло, и подбѣжавъ къ нему, сталъ изо всей силы бить его двухфинтовой резиной по виску, съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ и въ совершенно неестественнаго возбужденія.

Я, стоявшій на верху у перилъ лѣстницы, въ первое мгновенье ничего не понялъ и оторопѣлъ тѣмъ болѣе, что, и къ моему глубочайшему изумленію, Распутинъ даже и теперь еще, казалось, подавалъ признаки жизни!

Перевернутый лицомъ вверхъ, онъ хрипѣлъ, и мнѣ совершенно ясно было видно сверху, какъ у него закатился зрачекъ праваго, открытаго глаза, какъ будто глядѣвшаго на меня безсмысленно, но ужасно (этотъ глазъ я и сейчасъ вижу передъ собою).

***

Но вслѣдъ за симъ я пришелъ въ себя и крикнулъ солдатамъ скорѣе оттащить Юсупова отъ убитаго, ибо онъ можетъ забрызгать кровью и себя, и все вокругъ, и въ случаѣ обысковъ, слѣдственная власть, даже безъ полицейскихъ собакъ, по слѣдамъ крови, раскроетъ дѣло.

Солдаты повиновались, но имъ стоило чрезвычайныхъ усилій оттянуть Юсупова, который какъ бы механически, но съ остерве-

нѣніемъ, все болѣе и болѣе возраставшимъ, колотилъ Распутина по виску.

Наконецъ, князя оттащили. Оба солдата подъ руки подняли его на верхъ и всего сплошь забрызганнаго кровью опрометчиво усадили на глубокій кожанный диванъ въ кабинетѣ.

На него было страшно смотрѣть, до такой степени ужасенъ былъ его видъ и со стороны внѣшней, но и со стороны внутренней, съ блуждающимъ взглядомъ, съ подергивавшимся лицомъ и безсмысленно повторявшимъ: «Феликсъ, Феликсъ, Феликсъ, Феликсъ»...

***

Я приказалъ солдатамъ поскорѣе достать гдѣ-нибудь матеріи, обернуть ею плотнѣе трупъ съ головы до ногъ и туго связать его, спеленатаго, веревкой.

Одинъ изъ нихъ принялся за исполненіе моего приказанія, а другого я позвалъ черезъ нѣсколько минутъ на верхъ и, услышавъ отъ него, что стоявшій на посту, на углу Прачешнаго и Максимиліановскаго переулковъ городовой, приходившій освѣдомляться о томъ, почему здѣсь стрѣльба, черезъ полчаса будетъ смѣненъ другимъ и долженъ будетъ доложить своему начальству обо всемъ происшедшемъ въ его раіонѣ во время дежурства, приказалъ позвать его къ себѣ.

***

Черезъ десять минутъ городовой былъ введенъ солдатомъ въ кабинетъ. Я быстро окинулъ его взглядомъ съ ногъ до головы и сразу понялъ, что это типъ служаки стараго закала, и что я допустилъ ошибку, позвавъ его сюда; но дѣлать было нечего, приходилось считаться со случившимся.

«Служивый!» обратился я къ нему. «Это ты заходилъ нѣсколько времени тому назадъ справляться о томъ, что случилось и почему стрѣляютъ?»

«Такъ точно, ваше превосходительство!» отвѣтилъ онъ мнѣ.

«Ты меня знаешь?»

«Такъ точно», отвѣтилъ онъ вновь, «знаю».

«Кто же я такой?»

«Членъ Государственной Думы Владиміръ Митрофановичъ Пуришкевичъ!»

«Вѣрно!» замѣтилъ я. «А этотъ баринъ тебѣ знакомъ?» указалъ я на сидѣвшаго въ томъ же состояніи князя Юсупова.

«И ихъ знаю», отвѣтилъ мнѣ городовой.

«Кто это?»

«Его Сіятельство князь Юсуповъ!»

«Вѣрно! Послушай, братецъ, продолжалъ я, положивъ руку ему на плечо. — Отвѣть мнѣ по совѣсти: ты любишь батюшку царя и мать Россію; ты хочешь побѣды русскому оружію надъ нѣмцемъ!»

«Такъ точно, ваше превосходительство», отвѣтилъ онъ. «Люблю царя и отечество и хочу побѣды русскому оружію».

«А знаешь ли ты, продолжалъ я, кто злѣйшій врагъ царя и Россіи, кто мѣшаетъ намъ воевать, кто намъ сажаетъ Штюрмеровъ и всякихъ нѣмцевъ въ правители, кто царицу въ руки забралъ и черезъ нее расправляется съ Россіей?»

Лицо городового сразу оживилось.

«Такъ точно, — говоритъ, знаю, Гришка Распутинъ!»

«Ну, братецъ, его уже нѣтъ: мы его убили и стрѣляли сейчасъ по немъ. Ты слышалъ; но можешь сказать, если тебя спросятъ — знать не знаю и вѣдать не вѣдаю! Сумѣешь ли ты насъ не выдать и молчать?»

***

Городовой призадумался. «Такъ что, ваше превосходительство, если спросятъ меня не подъ присягою, то ничего не скажу, а коли на присягу поведутъ, тутъ дѣлать нечего, раскрою всю правду. Грѣхъ соврать будетъ».

Я понялъ, что всякіе разговоры не приведутъ ни къ чему и, узнавъ отъ него, что дежурство его кончается черезъ полчаса, и

что полиціймейстеромъ этого района является полковникъ Григорьевъ, человѣкъ, насколько я зналъ, очень порядочный и хорошей семьи, я отпустилъ его съ миромъ, рѣшивъ положиться на судьбу въ дальнѣйшемъ.

***

Вошелъ солдатъ и доложилъ мнѣ, что трупъ уже упакованъ.

Я спустился посмотрѣть: тѣло было плотно запеленато въ какую-то синюю матерію; мнѣ показалось даже, что это была оконная занавѣска, туго перевязанная веревкой; голова была закрыта. Теперь я увидѣлъ, что Распутинъ несомнѣнный трупъ и ожить уже не можетъ.

Дѣлать было нечего, приходилось терпѣливо дожидаться возвращенія великаго князя, Лазаверта и поручика С., и я, поднявшись въ послѣдній разъ въ кабинетъ Юсупова и передавъ его въ руки слугъ съ просьбою помочь ему немедленно обмыться, переодѣться съ ногъ до головы и переобуться, сѣлъ въ кресло и сталъ ждать.

Минутъ черезъ пять послышался стукъ автомобиля, и великій князь со своими спутниками, быстро поднялись по лѣстницѣ со двора въ кабинетъ.

Дмитрій Павловичъ былъ почти въ веселомъ настроеніи, но взглянувъ на меня, понялъ, что что-то случилось.

***

Озираясь вокругъ, спросилъ онъ меня; я въ двухъ словахъ разъяснилъ пріѣхавшимъ, въ чемъ дѣло, прося торопиться, но послѣдняя просьба моя была излишней: они сами поняли, что медлить было нельзя ни одной минуты, и мы, поручивъ Юсупова попеченіямъ одного изъ его солдатъ, втянули трупъ Распутина въ автомобиль великаго князя, туда же положили двѣ двухпудовыя гири и цѣпи, привезенныя мною въ квартиру Юсупова этою ночью, и, усѣвшись въ автомобиль, двинулись къ мѣсту условленнаго потопленія трупа убитаго.

Теперь шоферомъ былъ великій князь, рядомъ съ нимъ помѣстился поручикъ С., а въ карету сѣли съ правой стороны д-ръ Лазавертъ, съ лѣвой я, а на трупѣ умѣстился второй солдатъ изъ слугъ Юсупова, коего мы рѣшили взять съ цѣлью помочь намъ сбросить въ прорубь тяжелое тѣло.

***

Уже въ пути я замѣтилъ, что въ каретѣ оказалась и шуба Распутина и его боты. «Почему это не сожжено въ поѣздѣ, спросилъ я д-ра Лазаверта, какъ было условлено, и вы все это привезли обратно?»

«Потому, отвѣтилъ онъ, что шуба цѣликомъ въ печь не влѣзала, само собою разумѣется, а ваша жена сочла невозможнымъ заняться распарываніемъ и разрѣзываніемъ этой шубы на части и сжиганіемъ ея по кускамъ.

«У нея даже на этой почвѣ вышло столкновеніе съ Дмитріемъ Павловичемъ, и шубу и боты такъ и пришлось привезти обратно. Мы сожгли его верхнюю поддевку, перчатки и, не помню, еще что-то.

«Шубу и галоши придется выбросить съ трупомъ въ воду», добавилъ онъ.

«А вы протелефонировали, господа, спросилъ я его вновь, въ Вилла Родэ, согласно уговору?»

«Да, конечно, отвѣтилъ онъ, это сдѣлано!»

Мы замолкли и въ такомъ состояніи продолжали нашъ путь.

Автомобиль по городу шелъ сравнительно медленно. Часъ былъ очень поздній, и великій князь, очевидно, опасался быстрою ѣздою возбудить какія-либо подозрѣнія полиціи.

Окна автомобиля были спущены. Свѣжій морозный воздухъ бодряще дѣйствовалъ на меня. Я былъ совершенно покоенъ, несмотря на все пережитое, но мысли одна за другою, все вертѣвшіяся вокругъ Распутина и его прошлаго и тѣхъ усилій, которыя употреблялись, даже членами императорской фамиліи для избавленія царя отъ этого гада, мысли отчетливыя и ясныя и кар-

тины этой борьбы противъ Распутина вихремъ проносились въ моей головѣ.

***

Я вспомнилъ мое посѣщеніе великаго князя Николая Михайловича въ началѣ ноября, тотчасъ же по возвращеніи моемъ съ фронта, — посѣщеніе, опять-таки, связанное съ именемъ Распутина. Я вспомнилъ, какъ редакторъ «Историч. Вѣстника» Глинскій, позвонилъ мнѣ по телефону, передалъ приглашеніе великаго князя Николая Михайловича пріѣхать къ нему въ любой день и часъ, когда мнѣ это будетъ удобно; вспомнилъ, какъ я боролся съ самимъ собою: ѣхать или не ѣхать, ибо великій князь Николай Михайловичъ, въ своихъ историческихъ трудахъ выставлявшій, въ крайне неприглядномъ видѣ своихъ царственныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ и маравшій ихъ, мнѣ казался крайне несимпатичнымъ.

Но я рѣшился назначить день моего визита и поѣхалъ.

***

Меня встрѣтилъ въ кабинетѣ дряхлѣющій левъ, въ генералъ-адъютантскихъ погонахъ, говорившій почему-то съ восточнымъ акцентомъ и съ первыхъ же словъ остановившійся на ужасномъ положеніи, въ которое поставлена Россія и династія Романовыхъ, благодаря исключительному вліянію на царя и Александру Федоровну Распутина.

Я поразился откровенности великаго князя, съ которымъ познакомился лишь сейчасъ, въ моментъ, когда къ нему вошелъ; но, видимо, у него въ душѣ накипѣло слишкомъ много, и онъ хотѣлъ провѣрить себя и свое настроеніе по настроенію другихъ русскихъ людей, иныхъ взглядовъ даже и направленій, чѣмъ его собственное (я узналъ потомъ отъ Юсупова, который у него завтракалъ въ этотъ день, что черезъ два часа послѣ моего визита, у него былъ съ визитомъ Бурцевъ).

Онъ говорилъ самъ, почти все время не останавливаясь, из-

рѣдка вопросительно взглядывая на меня, отвѣчавшаго ему либо одобрительнымъ наклоненіемъ головы, либо короткимъ «да», «вѣрно», «конечно, такъ».

«Вы знаете, В. М.», говорилъ великій князь, «что почти вся наша семья Романовыхъ подала государю записку о Распутинѣ, прося взять бразды правленія надъ Россіей въ свои руки и прекратить вмѣшательство въ государственныя дѣла Императрицы Александры Федоровны, во всемъ инспирируемой этимъ хлыстомъ; изъ записки, какъ и слѣдовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ея даже не подписалъ, ибо видѣлъ ея безцѣльность и понялъ, что записка, спеціальная только по этому вопросу, не дастъ результатовъ для дѣла, а приведетъ къ плачевнымъ результатамъ для подписавшихъ.

***

«Я сдѣлалъ иначе, говоритъ вел. князь Николай Михайловичъ. Получивъ серьезное порученіе отъ государя и выполнивъ его, я написалъ докладъ по существу порученнаго мнѣ дѣла, и въ этомъ докладѣ ярко и выпукло, но какъ бы между прочимъ, указалъ на весь ужасъ современныхъ общественныхъ настроеній Россіи, съ которыми хорошо знакомъ, — настроеній, являющихся слѣдствіемъ Распутинскаго надъ Россіей «радѣнія» и вмѣшательства во всѣ дѣла чужой народу и Россіи царской жены.

Написавъ докладъ, продолжалъ великій князь, я, въ бытность государя въ Петроградѣ, попросилъ его назначить мнѣ день для личнаго и устнаго ему его изложенія, добавивъ царю: боюсь, однако, что послѣ моего доклада, ты прикажешь арестовать меня и выслать подальше отъ столицы съ казаками.

«Развѣ докладъ такъ страшенъ у тебя», отвѣтилъ мнѣ государь, назначая день, «ну, что дѣлать, прослушаемъ, надѣюсь, все обойдется мирно». И я ему доложилъ, а въ результатѣ — ко мнѣ немилость, опала и полное охлажденіе. Хотите, закончивъ разсказъ, обратился великій князь, я вамъ прочту этотъ докладъ!» Я выразилъ желаніе его прослушать, и Николай Михайловичъ

прочелъ мнѣ небольшую, но очень сильно и рѣзко написанную записку, въ коей обращалось вниманіе государя на то, что въ случаѣ дальнѣйшаго вмѣшательства Александры Федоровны и Распутина въ государственныя дѣла, династіи грозитъ гибель, а Россійской имперіи — катастрофа.

Я вспомнилъ, что, когда великій князь кончилъ чтеніе записки, я нѣсколько минутъ, подъ впечатлѣніемъ прослушаннаго, сидѣлъ какъ загипнотизированный, и пришелъ въ себя только послѣ того, какъ великій князь, предлагая мнѣ сигару, добавилъ: «Вы знаете, этотъ докладъ я представилъ императрицѣ Маріи Федоровнѣ, находящейся въ Кіевѣ, черезъ князя Шервашидзе, и хотите знать о немъ мнѣніе матери царицы — вотъ оно, и, порывшись въ бумагахъ, великій князь далъ прочесть мнѣ телеграмму. Въ ней стояло только три слова: «браво, браво, браво — Марія». Но осторожный Шервашидзе, добавилъ великій князь, повидимому, боялся оставить среди бумагъ старой царицы столь компрометантную бумагу, какъ моя записка, и вотъ при этомъ письмѣ ко мнѣ (Николай Михайловичъ протянулъ мнѣ письмо Шервашидзе), выражающемъ опасеніе, что я могу остаться безъ нужнаго для меня документа, возвратилъ мнѣ мою записку, вызвавшую столь яркое сочувствіе и одобреніе мнѣ со стороны царицы-матери»...

Вотъ, что припомнилось мнѣ сейчасъ въ каретѣ, когда въ ногахъ моихъ лежалъ бездыханный трупъ «старца», котораго мы увозили къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія.

Я выглянулъ въ окошко. Мы выѣхали уже за городъ, о чемъ говорили окружающіе дома и безконечные заборы. Освѣщеніе вокругъ было крайне скудное. Дорога стала скверной, попадались ухабы, на которыхъ лежавшее у нашихъ ногъ тѣло подпрыгивало, несмотря на сидѣвшаго на немъ солдата, и я чувствовалъ,

какъ по мнѣ пробѣгала нервная дрожь всякій разъ, когда на ухабѣ моего колѣна касался мягкій и еще не успѣвшій, несмотря на морозъ, окончательно застыть отвратительный для меня трупъ.

Наконецъ, вдали показался мостъ, съ котораго мы должны были сбросить въ прорубь тѣло Распутина.

Дмитрій Павловичъ замедлилъ ходъ, въѣхалъ на мостъ съ лѣвой стороны и остановился у перилъ.

Яркіе фонари автомобиля на одно мгновеніе ударили снопомъ своего свѣта въ сторожевую будку, находившуюся на той сторонѣ моста справа, но вслѣдъ за симъ великій князь потушилъ огонь, и даль очутилась воココракѣ. Моторъ машины продолжалъ стучать на мѣстѣ.

* * *

Безшумно, съ возможною быстротой открывъ дверцы автомобиля, я выскочилъ наружу и всталъ у самыхъ перилъ, за мною послѣдовали солдатъ и д-ръ Лазавертъ; къ намъ подоспѣлъ сидѣвшій рядомъ съ великимъ княземъ поручикъ С., и мы вчетверомъ (Дмитрій Павловичъ стоялъ передъ машиной на сторожѣ), раскачавъ трупъ Распутина, съ силою бросили его въ прорубь, бывшую у самаго моста; позабывъ привязать къ трупу цѣпями гири, каковыя побросали вслѣдъ за трупомъ впопыхахъ одну за другою, а цѣпи засунули въ шубу убитаго, каковую такъ же бросили въ ту же прорубь. За симъ, обшаривъ въ потьмахъ автомобиль и найдя въ немъ одинъ изъ ботовъ Распутина д-ръ Лазавертъ швырнулъ его также съ моста.

Все это было дѣломъ не болѣе двухъ-трехъ минутъ, послѣ чего въ автомобиль сѣли д-ръ Лазавертъ, Поручикъ С. и солдатъ, а я умѣстился рядомъ съ Дмитріемъ Павловичемъ, и мы, зажгли опять огни въ автомобилѣ, двинулись черезъ мостъ дальше.

* * *

Какъ мы не были замѣчены на мосту, представляется мнѣ и по сей день до нельзя удивительнымъ, ибо, проѣзжая мимо будки, мы замѣтили около нея сторожа, который однако спалъ

крѣпкимъ сномъ и не проснулся, повидимому, даже въ томъ моментъ, когда, въѣхавъ на мостъ съ трупомъ, мы внезапно освѣтили его будку и направили свѣтъ фонарей и на него самого.

***

Проѣхавъ мостъ, великій князь пустилъ автомобиль быстрѣе, но машина была у него не въ порядкѣ, моторъ давалъ перебои и приходилось даже нѣсколько разъ останавливаться, ибо машина не хотѣла двигаться впередъ.

Д-ръ Лазавертъ въ такихъ случаяхъ соскакивалъ, возился у свѣчекъ автомобиля, прочищалъ ихъ, и мы кое-какъ вновь пускались въ путь.

Послѣдняя починка и остановка случилась съ нами на Каменноостровскомъ проспектѣ, почти насупротивъ Петропавловской крѣпости, гдѣ, починившись, мы двинулись уже скорѣе и благополучно прибыли во дворецъ Сергѣя Александровича, гдѣ проживалъ Дмитрій Павловичъ.

***

По дорогѣ я разсказалъ великому князю обо всемъ, что произошло во дворцѣ Юсупова въ часы, когда Дмитрій Павловичъ уѣхалъ сжигать вещи убитаго, и, закончивъ свой разсказъ, сказалъ ему: «А вы знаете, Дмитрій Павловичъ! я считаю большой ошибкой съ нашей стороны то, что мы кинули трупъ въ воду, а не оставили его гдѣ-нибудь на виду. Мнѣ кажется, что могутъ появиться лже-Распутины, такъ какъ это ремесло довольно выгодное».

«Можетъ быть вы и правы», замѣтилъ великій князь, «но вѣдь сдѣланнаго не передѣлаешь».

Въѣхавъ въ ворота дворца, мы, выходя изъ автомобиля, къ крайнему изумленію нашему нашли въ немъ второй незамѣченный нами ботъ Распутина, и усмотрѣли на коврѣ, устилавшемъ автомобиль, пятна просочившейся крови убитаго.

Великій князь приказалъ своей прислугѣ, встрѣтившей насъ

у крыльца и производившей на меня впечатлѣніе посвященной во все дѣло, сжечь коверъ и галошу Распутина, послѣ чего поручикъ С., д-ръ Лазавертъ и я распрощались съ Дмитріемъ Павловичемъ и, выйдя изъ дворца, на двухъ извозчикахъ отправились на Варшавскій вокзалъ, поручикъ С. забрать оттуда свою жену, которая въ теченіе этой ночи находилась у моей жены, а я и д-ръ Лазавертъ уснуть въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ часовъ, которыя оставались намъ до посѣщенія моего поѣзда съ цѣлью его осмотра членами Государственной Думы, которые должны были прибыть на вокзалъ въ 9 час. утра.

***

Былъ уже 6-й часъ утра, когда, разсчитавшись съ извозчикомъ на мосту Варшавскаго вокзала, мы пробрались къ своему вагону. Насъ никто не замѣтилъ, все вокругъ спало мертвымъ сномъ.

Въ корридорѣ вагона, при видѣ насъ, мелькнула бѣлая, сестринская косынка моей жены, ожидавшей нашего возвращенія, и мы безшумно проскользнули каждый въ свое купэ, гдѣ я тотчасъ же заснулъ не раздѣваясь.

***

Еще не было половины девятаго въ день 17 декабря, когда, кто бы сказалъ, свѣжіе и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы съ докторомъ Лазавертомъ, разставивъ дневальныхъ санитаровъ у вагоновъ, стали поджидать думскихъ гостей; они явились въ началѣ десятаго съ А. И. Шингаревымъ, какъ врачемъ, во главѣ, и детальнѣйшій осмотръ поѣзда длился почти до полудня, при чемъ оба мы давали гостямъ всѣ нужныя разъясненія, характеризуя работу нашихъ отрядовъ.

Въ началѣ перваго члены Государственной Думы уѣхали, а я, сѣвъ на автомобиль, заѣхалъ къ матери попрощаться, въ Государственную Думу послать телеграмму въ Москву В. Маклакову:

«Когда пріѣзжаете?», обозначавшую, какъ было обусловлено, что Распутинъ убитъ.

Изъ Государственной Думы я проѣхалъ во дворецъ принца Ольденбургскаго, съ цѣлью увидать управляющаго его канцеляріей генерала Кочергина и, наконецъ, въ четвертомъ часу, заѣхалъ еще на Инженерную, въ главное управленіе креста, чтобы встрѣтиться съ управляющимъ его дѣлами — Чаманскимъ.

***

Всѣ эти визиты, изыскивая для нихъ предлогъ, я, не нуждавшійся уже рѣшительно ни въ чемъ для поѣзда, дѣлалъ съ единственной цѣлью для того, чтобы сегодня, съ самаго ранняго утра, видѣли за обычнымъ дѣломъ посторонніе мнѣ люди разнообразныхъ профессій и классовъ общества и могли бы, если бы понадобилось, удостовѣрить, что я былъ такимъ же сегодня, какимъ они меня знали всегда.

Въ пятомъ часу вечера я возвратился на поѣздъ, погрузилъ и второй мой автомобиль, отдавъ распоряженіе въ своей канцеляріи добиться у администраціи дороги отхода моего поѣзда не позже 5 часовъ вечера, но едва я успѣлъ уже у себя въ поѣздѣ сѣсть за столъ со всѣмъ персоналомъ моего отряда, какъ слышу подъѣзжаетъ автомобиль, и поручикъ С., выйдя изъ него, направляется ко мнѣ.

Мы прошли въ мое купэ, гдѣ С. передалъ мнѣ просьбу Дмитрія Павловича немедленно пріѣхать къ нему во дворецъ.

Я сѣлъ съ нимъ въ автомобиль, и мы поѣхали.

***

Во дворцѣ я засталъ, кромѣ хозяина, еще и Юсупова, оба они были чрезвычайно взволнованы, пили чашку за чашкой черное кофе и коньякъ, заявивъ, что не ложились спать вовсе этой ночью и что день провели до нельзя тревожно, ибо императрица Александра Федоровна уже освѣдомлена объ исчезновеніи и даже смерти Распутина и называетъ насъ виновниками его убійства.

***

Фрейлина Головина, секретарша Распутина, сообщила, куда поѣхалъ Григорій Ефимовичъ вечеромъ, вся полиція и все сыскное отдѣленіе уже поставлены на ноги, въ цѣляхъ разыскать трупъ убитаго и найти всѣ нити этого дѣла.

Я, замѣтилъ мнѣ Юсуповъ, долженъ былъ изъ-за этого гада застрѣлить одну изъ лучшихъ моихъ собакъ и уложить ее на томъ мѣстѣ во дворѣ, гдѣ снѣгъ окрасился кровью убитаго вами «старца».

***

Сдѣлалъ я это на случай, если наши шерлоки-холмсы, попавъ на вѣрный слѣдъ исчезнувшаго Распутина, пожелаютъ, анализировать кровь или прибѣгнуть къ полицейскимъ собакамъ. Я, закончилъ онъ, всю оставшуюся часть ночи, провелъ съ моими солдатами надъ приведеніемъ дома въ порядокъ, а теперь, какъ видите, В. М., мы сочиняемъ письмо Александрѣ Федоровнѣ съ Дмитріемъ Павловичемъ, которое и надѣемся сегодня же ей доставить.

Я принялъ участіе въ дальнѣйшемъ изложеніи этого письма, которое мы и закончили часа черезъ полтора послѣ моего прибытія.

Когда письмо было закончено и запечатано, Дмитрій Павловичъ вышелъ изъ кабинета отправить его по назначенію, хотя мы всѣ трое чувствовали нѣкоторую неловкость другъ передъ другомъ, ибо все въ письмѣ написанное было смѣло придуманной ложью и изображало насъ въ видѣ незаслуженно оскорбленной добродѣтели.

***

Воспользовавшись его уходомъ, я спросилъ Юсупова: «Скажите, князь, что произошло у васъ съ Распутинымъ въ тѣ немногія минуты, когда вы въ послѣдній разъ спустились въ сто-

ловую, откуда мы ушли всѣ вмѣстѣ, какъ вы помните, оставивъ его, казалось, при послѣднемъ издыханіи на холодномъ полу?»

Юсуповъ болѣзненно усмѣхнулся: «произошло то, отвѣтилъ онъ мнѣ, чего я не забуду во всю мою жизнь: спустившись въ столовую я засталъ Распутина на томъ же мѣстѣ, я взялъ его руку, чтобы прощупать пульсъ, — мнѣ показалось, что пульса не было, тогда я приложилъ ладонь къ сердцу — оно не билось; но вдругъ, можете себѣ представить мой ужасъ, Распутинъ медленно открываетъ во всю ширь одинъ свой сатанинскій глазъ, вслѣдъ за симъ другой, впивается въ меня взглядомъ непередаваемаго напряженія и ненависти и со словами: «Феликсъ! Феликсъ! Феликсъ!» вскакиваетъ сразу, съ цѣлью меня схватить. Я отскочилъ съ поспѣшностью, съ какою только могъ, а что дальше было не помню».

На фронтъ.

Въ эту минуту возвратился великій князь Дмитрій Павловичъ, и я, попрощавшись и обнявшись съ нимъ, Юсуповымъ и поручикомъ С., уѣхалъ въ автомобилѣ великаго князя обратно въ поѣздъ, а въ 10 час. вечера двинулся въ путь на фронтъ, покинувъ русскую столицу, которую предполагали покинуть на слѣдующій день и Дмитрій Павловичъ и Юсуповъ, собиравшій къ женѣ въ Крымъ, въ Кореизъ.

Таковъ былъ ходъ событій всего происшедшаго съ вечера 16-го декабря по вечеръ 17-го...

. . . .

* * *

Свѣтаетъ. Я подписываю эти строки при первыхъ проблескахъ зарождающагося зимняго дня.

Еще темно, но я чувствую, что день уже близокъ. Я не могу заснуть. Вихремъ проносится въ разгоряченномъ мозгу моемъ рой быстро смѣняющихъ одна другую мыслей. Я не могу забыться; я думаю о будущемъ, не мелкомъ, не личномъ нѣтъ, а о будущемъ того великаго края, который дороже мнѣ семьи и жизни, — края, который зову Родиной.

Боже мой! Какъ темно грядущее въ эти тяжелые годы ниспосланныхъ намъ рукою Всевышняго бранныхъ испытаній.

Вынесемъ ли мы всю тяжесть бремени духовной непогоды или обезсилимъ, и уставшіе и измученные, вѣру въ себя потерявшіе, утратимъ и то мѣсто въ мірѣ, которое занимали мы въ теченіе многихъ вѣковъ нашего историческаго существованія.

Кто скажетъ? кто отвѣтитъ? кто сдернетъ завѣсу, разсѣетъ туманъ, застилающій грядущія дали?

Великій ли мы народъ, способный въ руслѣ національной рѣки пробивать себѣ путь впередъ, поглощая въ водахъ своихъ другія племена и мелкіе народы, или? Или для насъ все кончено, и мы, изжившіеся, измельчавшіе растлѣнные ходомъ времени, обречены стать лишь ареною борьбы между собою другихъ племенъ, другихъ народовъ, почитающихъ славянство низшею расою, способною лишь утучнять чужія поля странъ, шествующихъ по костямъ его къ свѣту, къ знанію и къ міровому господству, коего намъ достичь судьбою не дано!

Кто скажетъ? кто отвѣтитъ? кто предречетъ потокъ событій въ густомъ молочномъ туманѣ просыпающагося дня?..

18-го декабря 1916 года.
Въ пути.

ГОТОВИТСЯ К ПЕРЕИЗДАНИЮ:

С. КАРАЧЕВЦЕВЪ

et
J
P
CIE